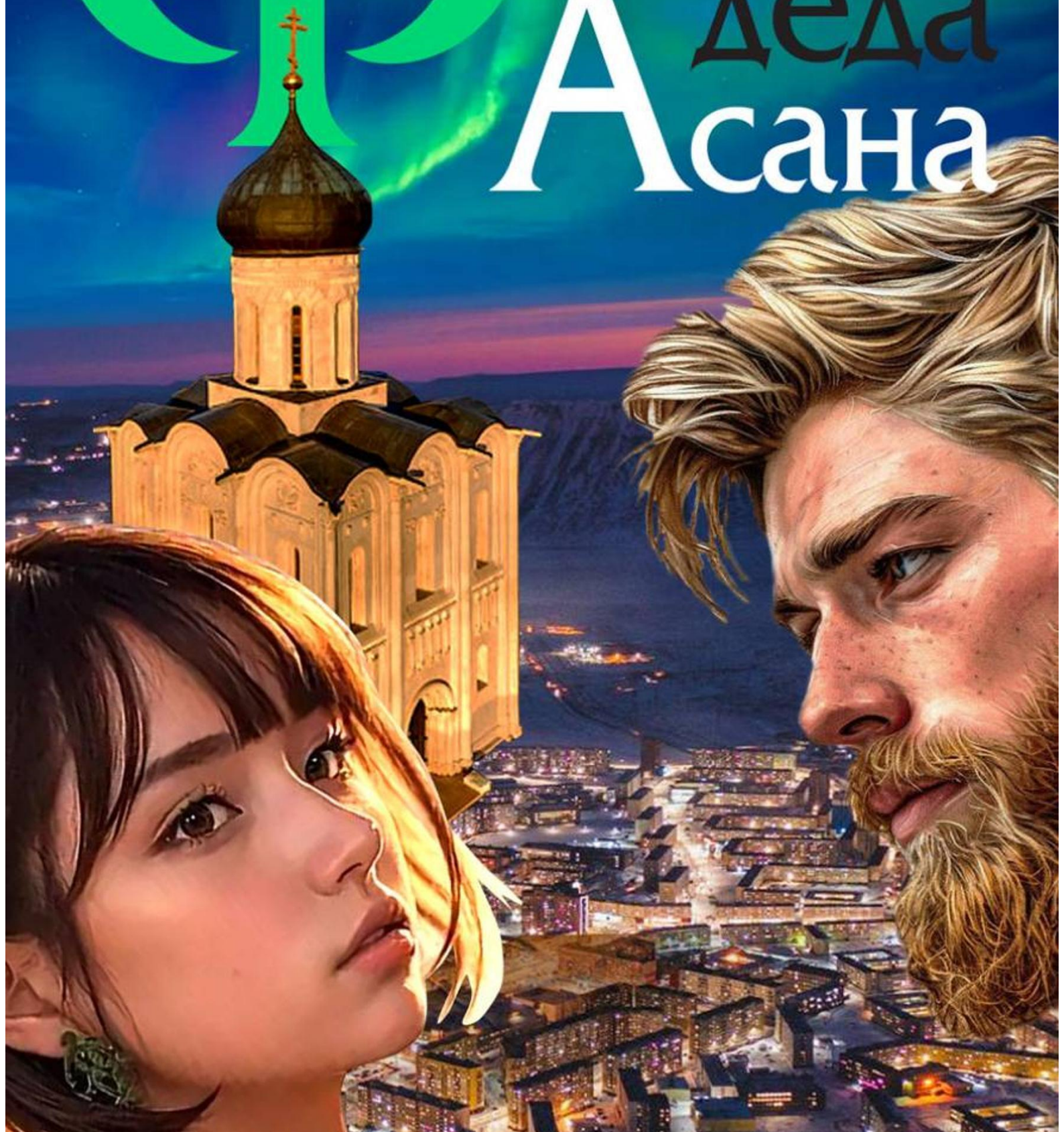

Владимир
КОРОЛЬКОВ

Формула А деда Асана

Владимир Корольков
Формула деда Асана

«Автор»

2026

Корольков В. Г.

Формула деда Асана / В. Г. Корольков — «Автор», 2026

Романтические приключения одного географа, который уехал на Крайний Север изучать снежные лавины и искать себя, а обрёл любовь, веру и смысл жизни.

© Корольков В. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новый поворот	5
Глава 2. В неведомое	8
Глава 3. Нелёгкая ноша	12
Глава 4. Рабочее место	16
Глава 5. Страна чудес	19
Глава 6. Бригада	23
Глава 7. Дороже денег	27
Глава 8. Комбинаторика	30
Глава 9. День варения	33
Глава 10. Засада	36
Глава 11. Гранит науки	39
Глава 12. Перспективы	42
Глава 13. Страховка	45
Глава 14. Боль в ребро	48
Глава 15. Главный секрет	52
Глава 16. Навстречу	56
Глава 17. Воскресенье	60
Глава 18. Женские штучки	64
Глава 19. Горы синие вдали	68
Глава 20. За тридцать озёр	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Владимир Корольков

Формула деда Асана

Глава 1. Новый поворот

Толстобрюхая неуклюжая сигара флегматично рулила по лётному полю, повторяя траекторию движения суетливой легковушки с мигалкой на крыше. Загнутые вверх концы непропорционально тонких крыльев мелко подрагивали на стыках бетонных плит. Пузатые бочонки-турбины, каким-то чудом технической мысли державшиеся под плоскостями, лохматили столичную пыль, жадно глотали по-летнему сладкий воздух и сплёвывали в атмосферу смрадный выхлоп сторевавшего керосина.

Рождённый летать аппарат полз по рулётной дорожке к уже выделенной ему взлётной полосе.

Лёхе всегда была интересна авиация. Когда-то он собирался поступить в лётное училище и выучиться «на Мимино». Но сейчас, растёкшись по пассажирскому креслу, он просто закрыл глаза. Лёха был с крепкого бодуна. Ему казалось, что мозги раскручиваются по спирали, а черепная коробка, не выдержав напора, вот-вот лопнет и прошьёт своими осколками фюзеляж. Неизвестно, где гудело громче: в турбинах или в Лёхиной голове.

Под дежурные фразы командира корабля две стройные как весь гражданский флот стюардессы плыли по салону:

– Ремешок, пожалуйста! И столик поднимите... У Вас всё в порядке, молодой человек?

Лёха, словно сдаваясь, поднял обе руки вверх, демонстрируя защёлкнутый замок и тут же провалился в тяжелое липкое забытьё.

Самолет на несколько мгновений задержался на старте, словно думая о чём-то важном, потом, наконец, решился, дрогнул всем телом, сорвался, будто с цепи, и отважно, теперь уже безо всяких сомнений, начал разбег, чтобы, наконец, пробиться сквозь облака от серой земли к манящему свету, покою и синеве. Шевельнув элеронами, лайнер заложил плавный вираж и взял курс на северо-восток нашей страны.

Рядом с Лёхой привычно коротали полётное время северяне – горняки и металлурги, учителя, врачи, водители, продавцы и даже охотник-промысловик из далёкого посёлка. Лёхе предстояло стать для них земляком года на два – на три. А, может, и больше – кто знает, как дело пойдёт?

В Лёхиной душе было пусто до звонкого гулкового эха. Да и в кармане, признаться, тоже – там шаром катались остатки последней университетской стипендии. Брать у родителей деньги на старших курсах он уже сильно стеснялся, а подрабатывать только ради заработка ему было неинтересно. Вчерашний студент геофака, нынешний пассажир самолета, всем известный прогульщик, спортсмен и романтик летел к месту своей будущей работы.

«Нормальные люди дома сидят, – думал сквозь дремоту Лёха, – а дураки летят на край географии.» Напрягать извилины было тяжеловато, поскольку вчерашняя прощальная вечеринка удалась на славу. Финал «ночера» Лёха не помнил. Пить много он не умел.

...Утром Лёха кое-как продрал глаза, дополз до душа, затем принял из чьих-то рук спасительную бутылку кефира, отпил половину, на «автопилоте» закинул на плечо собранный накануне рюкзак, спустился с друзьями в метро, а потом, после жарких объятий и проводов на вокзале, уже самостоятельно заполз в аэроэкспресс.

Лёха был «первой ласточкой», порхнувшей в жизнь из факультетского гнезда. Его однокурсники остались дожидаться выдачи дипломов и торжественного банкета. Лёха же сорвался

на следующий день после защиты. Его будущая работа ждать не могла. Самые опасные снежные лавины в Заполярье сходили строго «по расписанию» – в конце мая или начале июня. Если бы Лёха задержался в Столице на пару недель, то рисковал бы пропустить самое интересное и, в принципе, потерять целый научный сезон. А заветную «корочку» с синей обложкой учебная часть пообещала выслать позже, ценным письмом.

...У Лёхиных ног в рюкзачке мерно и мирно посапывал полуторамесячный щенок немецкой овчарки, которого друзья вручили ему на вокзале. Вернее, всучили – щенок оказался девочкой.

– Это тебе от нас! Сюрприз! – огорошили однокашники.

– Чё? – не понял Лёха.

– Подарок! Держи! Сам же хотел.

– Хотел. Но не так ведь сразу. Собака же не игрушка! Ей дом нужен. А у меня сейчас ни кола, ни двора.

– Ну, вот тебе ищайка, вместе дом и найдёте.

– Ей до ищайки, как мне до академика, – обречённо возразил Лёха.

– Есть собака, будет и дом. Бери, давай, мозги не делай! Будет тебе на Северах не так одиноко!

– Я ж в город лечу. В большой, – из последних сил пытался сопротивляться Лёха.

– Знаем. Говорят, там белые медведи по улицам ходят. Вот, будет тебе заодно и защита.

– Теперь понятно, откуда выражение «медвежья услуга» – от таких балбесов, как вы. Заберите собаку! – взмолился Лёха. – Ну, куда я с ней?

– Бери, не думай. На самолёт опоздаешь. Это же подарок. От всех наших душ. Зря мы, что ли, мучились, щенку прививки делали? В общаге неделю прятали? Думаешь, это легко? Вот тебе документы, вот справки...

Отказывать друзьям Лёха не привык. Вот и в этот раз не получилось.

...За иллюминаторами значительно ниже «ватерлинии» воздушного судна плыла ярко-белая «вата». Вспомнить название этих облаков Лёхе никак не удавалось – общую метеорологию сдавали на первом курсе, то есть (включая два армейских года) – шесть лет назад. «Как же быстро летит время!» – изумился про себя Лёха.

С недавних пор его стала подтачивать какая-то непонятная хандра. Вроде бы всё было нормально, не хуже, чем у других. Но нет! Лёхе казалось, что где-то вдали без него происходят какие-то очень важные события. Где-то играет музыка настоящей жизни. А он пока даже не слышал прелюдию к ней.

Все годы учёбы Лёха жил ожиданием чего-то большого и значимого, того, чему он был предназначен с рождения. Он был уверен в этом, готовился и терпеливо ждал своего заветного часа.

«Пусть будут альтокумулюсы», – решил про облака Лёха.

– Девушка, а можно водички? – обратился он к проплывавшей мимо бортпроводнице. Та оказалась понятливой, и, судя по характерному блеску в глазах, незамужней. Она кокетливо улыбнулась Лёхе и, в нарушение правил, незаметно сунула ему пол-литра минералки. И жизнь стала постепенно налаживаться.

За окном не было ничего интересного: внизу облака, как белый снег в бескрайней зимней тундре; а наверху иссиня-чёрная перевёрнутая чаша бездонных небес. Одинокий самолёт скользил между ними, как зримый символ иррациональности и абсурдности бытия.

Лёхе удалось задремать. Ему снилась стюардесса с платочком на шее, потом друзья, протягивающие ему каких-то противных морских свинок или хомячков, а после – седобородый дедуля в чём-то белом, с восточным разрезом глаз, который хитро поглядывал в сторону Лёхи, сперва будто бы сторонясь перегара, а потом всё пристальнее всматриваясь в его лицо.

Предложение завтрака по громкой связи вернуло Лёху к действительности. Он даже поискал глазами приснившегося деда – настолько тот показался ему реальным.

Против завтрака Лёха не возражал. Молодой организм, даже после «вчерашнего», требовал калорий. Порция с подноса, по-самолётному пустяковая, моментально улеглась на дне Лёхиной ямы желудка. Стюардесса незаметно принесла вторую. Этого оказалось достаточно. Лёха, походу, окончательно ожил.

Мысли потекли плавнее: «А что? Болтаясь между небом и землёй, между прошлым и будущим, самое время подумать о жизни...»

Ему вспомнился Университет, геофак и кафедра на девятнадцатом этаже, которая готовила специалистов по льдам и снегам, скучные лекции и обожаемые практики и экспедиции, научный руководитель, горные ледники и триумфальная (без дураков!) защита диплома. Лёхе пригрезился даже запах Универа – то ли разошедшейся за полвека мебели, то ли истоптанного до дыр пыльного паркета. Вспомнились близкие друзья и немногочисленные подруги.

«Что я сейчас имею? – спросил сам себя Лёха. – Молодость и здоровье – это раз. Образование – два, тоже неплохо, – загнул мысленно он второй палец. – Есть родительский дом – «надёжный причал» на всякий пожарный случай. Это три. Что-то умею делать руками. Это четыре. Стартовая площадка готова. А дальше, по плану – автономный полёт.»

В рюкзачке пошевелилась «незапланированная» собака. Её хозяин тяжело вздохнул, осознав, что не всё в жизни можно предугадать и предусмотреть.

«Ну, вот, предположим, самолёт сейчас разобьётся? Что от меня останется? Какая память? Мокрое место и холмик на кладбище. Если соберут. Родители погорюют, ну, может, друзья... В шкафу на кафедре останутся две курсовые работы и диплом, понятные трём сотням людей на планете. А лет через двадцать пять их сдадут в макулатуру. Ну, останется ещё пара статей про таяние в ледниковых трещинах, изданных смешным тиражом. И всё.»

Лёха искал и не находил в своей жизни какого-то глубокого смысла. Ему не нравилось быть «как все». Условно говоря, он не хотел жить, чтобы есть. Он предпочитал есть, чтобы жить. Пока же, кроме мусора, вытопанной травы и углекислого газа, Лёха ничего планете не оставил. Это его немного напрягало.

А тут ещё псина, которой надо придумать кличку на букву «Б» (поскольку она из второго приплода), заботиться о ней, растить и учить! Сейчас Лёхе было решительно не до неё.

От тягостных дум его отвлек вид за окном. Облака волшебным образом расступились, и на горизонте, посреди бескрайней, залитой солнцем равнины, открылись до боли знакомые горы! Проталин еще не было, вершины, хребты и долины покрывал ослепительно белый снег. Дивный свет, исходивший от него, заставил Лёху зажмуриться.

Два года назад Лёха побывал в этих местах в лыжном походе и сейчас, именно со стороны его иллюминатора, можно было разглядеть и железную дорогу, от которой начинался их маршрут; и озеро, где Лёха в тумане чуть не навернулся с обрыва; и долину, куда их не пустила через перевал жуткая апрельская пурга; и полярную метеостанцию, где они один-единственный раз за весь поход переночевали в тепле.

Горный хребет, через который Лёхина группа шла на лыжах двадцать шесть дней, самолет пересёк за четыре с половиной минуты. Дальше на многие тысячи километров потянулась скучная плоская равнина лесотундры.

Обалдевший от увиденного Лёха с трудом оторвался от иллюминатора и задумчиво откинулся на спинку кресла. От хандры не осталось и следа. Ему вдруг подумалось: «А ведь ничего в жизни не происходит случайно».

Глава 2. В неведомое

Остаток воздушного пути до Северного Города Лёха выдумывал собаке имя. Щенок, будто чуя броуновское движение хозяйской мысли, тоже вертелся в рюкзачке. Лёхе стало любопытно: насколько плотно его питомца покормили перед вылетом? «Что теперь? Терпи, бродяга! Пилот из-за тебя на вынужденную посадку не пойдёт.»

Шевеление в рюкзачке усилилось, из приоткрытой «молнии» высунулась любопытная чёрная мордашка. Пришлось брать подругу на руки. Что-то подозрительно она принюхивалась и озиралась вокруг себя...

– Ну, привет! Наделай мне тут делов! – Лёха подхватил похожее на крупного хомячка создание и потащил в туалет. Размотав четверть рулона бумаги на пол, он замер в ожидании. Собачка оказалась сообразительной, «дело» сделала быстро и точно по центру бумажной кучи.

– Вот и славненько! – недовольно воротя нос, пробурчал Лёха и отправил собачье «добро» с пола в унитаз. – Но учти! Еды до посадки не дам!

Вернувшись на своё место, Лёха стал перебирать существительные женского рода на букву «Б»: «Барракуда, Бродяга, Бабариха, Бандитка, Барабашка, Багира, Биссектриса, Базука, Бифуркация... Тьфу ты, ужас какой. Всё не то. Собачья кличка должна быть короткой, звучной, и со смыслом. Может, географическое название? Балашиха, Балаклава, Британия, Бухара, Буркина-Фасо, Басра – город в Ираке. Нет, фигня какая-то: Басра, Басра!.. Басма! Краска для волос, и, кажется, тёмная!»

– Ну-ка вылезай, чёрная морда, дай, я на тебя посмотрю: Басма ты или не Басма?

Толстопузый щенок с висячими ушами и маленькими глазками меньше всего в этот момент походил на немецкую овчарку. Но на слово «басма» отреагировал положительно: внимательно посмотрел на Лёху и тихонечко тьякнул.

– Ну, пока что побудешь Басмой, если не придумаю чего-то получше.

На радостях Лёха тут же нарушил собственное обещание, скормив собаке кусок плавленого сыра и маленькую плошку сливок, заначенные от завтрака.

Тем временем болотистые равнины затянула плотная облачность, и смотреть в окошко стало неинтересно.

– Как у Вас дела? – пропела над ухом миловидная стюардесса, которая давеча отпаивала Лёху водой.

– Да ничего, спасибо. Ожил.

– Очень рада. Меня Аллой зовут.

– А я Лёша.

– Мы часто в Город летаем. А Вы?

– Я на работу.

– На вахту?

– Да нет, насовсем.

– На всю жизнь? – не поняла Алла.

– Как пойдёт. На несколько лет – это точно.

– Понятненько, – кокетливо взмахнула ресницами Алла, разглядывая широкоплечего Лёху с белобрысой густеющей бородой, – не вижу кольца на безымянном пальце.

– Рано ещё...

– Ещё не нагулялись?

– Скорее, ещё не наработался.

– А-а-а, – протянула стюардесса, – первым делом – самолёты, ну, а девушки – потом?

– Это у Вас самолёты, – ответил Лёха, – а мы – люди сухопутья.

- Ну и что же? Вы будете на земле. А я прилечу, как фея. Мы в Городе часто ночуем.
- Я это понял. И догадался, что телефонами предлагаете обменяться...
- Конечно, – простодушно улыбнулась Алла, – ведь в гостинице иногда бывает очень скучно и одиноко.
- И вы, наверное, не замужем?
- Это не имеет значения...
- И всё-таки? – настаивал на своём Лёха.
- Была. Неофициально. Несколько раз. Ну, так как? Телефончик дадите?
- Можно, Алла. Только не обещаю, что на звонок отвечу. Про свою работу толком пока ничего не знаю. Где жить буду и что делать...
- Как загадочно! Вы случайно не секретный агент? – добродушно усмехнулась Алла.
- Всё прозаичнее: я снег в горах изучать буду.
- Тоже чудесная профессия. Расскажешь потом?
- Про снег?
- Про то, как устроился, как работа... Ой, всё, мне пора бежать! Пиши быстрее... И я пишу... Всё, до встречи, Лёш!

Самолет заходил на посадку, из яркой небесной синевы проваливаясь сквозь низкие тучи к черно-белой земле. Меж холмов, утыканных, словно горелыми спичками, редкими кривыми листовницами, появилась поперечная полоса Большой Реки. В фарватере ледокол крушил двухметровый лёд, оставляя за собой на белом поле рваную рану чёрной воды с торосами по краям. Караван судов следовал за ним по пятам. Ушлые местные рыбаки уже спешили к полынье на снегоходах.

Мелькание тщедушных листовниц заметно ускорило и приблизилось, слева пронеслась стоянка какой-то военной техники. Через мгновение, оцетинившись спойлерами на крыльях, самолёт коснулся земли, задрожав всем телом взревел турбинами, сбросил скорость и, подпрыгивая на стыках бетонных плит, своим ходом подкатил к серому зданию аэровокзала со словами «Добро пожаловать в Заполярье» на фасаде.

«Кругом лежал снег» – сказать так было бы неверно. «Кругом возлегало Его Величество Снег» – так было бы правильной. Сугробы по краям лётного поля в высоту достигали и два, и три человеческих роста.

Пассажиры после столичной жары и зелени печально озирались по сторонам. Не грустил один только Лёха: ему всё здесь было ново и интересно. Снег – друг, снег – враг, снег – предмет изучения. Чего же тут грустить?..

Геофак на гляциологов посматривал как на вымирающих ящеров: все разумные люди на факультете стремились попасть на кафедры географии зарубежных стран или морей. И работать потом в каком-нибудь тёплом (во всех смыслах слова) местечке. Но никак не в полярных широтах.

Лёха выделялся даже на фоне этих «долбоящеров». Он выбирал для практик самые труднодоступные районы и самые сложные темы для курсовых работ и диплома.

Раньше студентов распределяли по рабочим местам, теперь же направляли только по желанию. Хочешь в Заполярье – поезжай, не хочешь – ищи «ближе и теплее». Но «тепло» было Лёхе не по душе. Не зря же он отучился на гляциолога и связал свою жизнь со снегом и льдом!

Когда на факультет пришла заявка с вакансией руководителя снеголавинной группы, Лёха не раздумывал ни минуты. Тем более, что зарплату пообещали хорошую.

...Раньше в Северном Городе Лёха не бывал. И совершенно не представлял, где будет жить и как работать. А вдруг не встретят? Куда он подается с рюкзаком, лыжами и «грудной» собакой? И денег на гостиницу нет.

«Да ладно тебе переживать, – осаживал себя Лёха, – встретить-то обещали... Ведь не в чистое поле лечу.»

Стоял легкий морозец, но приближение весны чувствовалось во всём: в мельчайших каплях влаги, висящих в туманном воздухе и размывающих очертания далеких предметов, в ледяной корке, покрывавшей бетонные плиты лётного поля и в изморози, причудливыми пятнами выступавшей на оконных стёклах и фасадах домов.

«Взлётную полосу чем-то полили, – подумал, поскользнувшись, Лёха. – А то б угнали нас на запасной аэродром. Тогда б меня точно никто не встретил!..»

Лёха немного постоял на площади перед зданием аэровокзала. Здесь, как и в любом другом городе страны, таксисты навязчиво уговаривали ехать в Город «на иномарке и недорого».

– Меня встречают, – отбивался от них Лёха, прикидывая, что сейчас вряд ли наскребёт денег даже на автобус.

Повертев головой, он догадался, что выдавать багаж будут за углом здания. Но пока, вроде, не объявляли.

Вокруг сновали материально обеспеченные северяне-отпускники, одетые по последней столичной моде. В расходах они себя, похоже, не ограничивали. Лёха в выцветшей и протёртой на рукавах куртке на их фоне выглядел если не бомжом, то их дальним бедным родственником.

Отойдя в сторонку, он извлёк Басму из рюкзака и дал ей немного прогуляться по снегу. Через пару минут бедная зверушка, видимо, осознав, в какую переделку попала, запросилась «на ручки».

«Да уж, если весна в этих широтах такая, то какая же здесь зима? – подумалось Лёхе. – Придётся прибрахлиться от длинного северного рубля...»

– Динь-динь-дилинь. Внимание! Пассажира Геннадия Ковалёва, прибывшего рейсом из Столицы, просят подойти к справочному бюро. Повторяю...

«Ага, – сообразил Лёха, – это, наверное, меня. По крайней мере, фамилия моя, а отчество с именем, они, видимо, перепутали. Пойдём, Басма, поглядим.»

У справочного бюро, подпирая плечом колонну, которая и так не собиралась падать, стоял брутально пузатый мужчина лет пятидесяти пяти. Одет он был в сильно замасленный водительский комбинезон, подбитый искусственным мехом, и унты, наподобие лётных. Видавшая виды шапка-ушанка залихватски располагалась ближе к затылку, обнажая огромные залысины. Мужчина совершенно не вписывался в интерьер современного аэропорта и, так же как Лёха, выделялся среди отпускного люда.

– Студент? Из Столицы? – спросил он глухим басом, выпячивая нижнюю губу и излучая одновременно любопытство и лёгкое презрение. Его обветренное красное лицо с крупными чертами казалось немного монументальным.

– Ну, я, – ответил Лёха, – только не Геннадий, а Геннадьевич. Ковалёв.

– А звать как?

– Алексей, Лёша. Кстати, спасибо, что встретили.

– Я – Марк Григорьевич. Шнейдер моя фамилия, – и он протянул огромную, тоже красную, пятерню.

– Очень приятно! – пожал не очень чистую ладонь Лёха и немного застеснялся. – Я, это, багаж еще не получил. Щас, я быстро.

– Мешок-то мне оставь. Не съем.

– У меня там собака.

– Ты чё хоть? Болонка?

– Не, овчарка.

– Шо, карманная? – заржал Шнейдер.

– Немецкая.

– Ну и ну, – хлопал себя по ляжкам Григорьевич.

– Щенок она ещё. Подарили...

– Ну, вы, столичные, даёте! С собаками в такую даль! Своих тут, что ли, нету?

– Говорю ж, подарили перед вылетом. Нельзя было отказаться, – немного обиделся Лёха.

– Ладно, не дуйся! Иди, давай. И щенка своего выгулять не забудь. По-быстрому. Чтоб не напачкал там у меня. Убирать сам будешь.

– Где Вас потом найти?

– Где-где? На бороде. Грузовик на площади увидишь. Он там один такой. И давай пошустрее. Шевели поршнями. Ехать далеко.

– Ладно, найду, – постарался не обидеться Лёха и ретировался в зал выдачи багажа с большой скоростью и облегчением. Что-то в этом Григорьиче ему показалось неприятным. Что – он пока не разобрал.

Глава 3. Нелёгкая ноша

Получив свой нехитрый скарб (видавший виды альпинистский рюкзак и горные лыжи в драном самодельном чехле), Лёха выбрался из тесного здания аэровокзала.

Площадь была запружена автомобилями всех рангов и сословий: от классических «Жигулей» до навороченных японских праворульных джипов. Слева дизелями портили воздух междугородние автобусы. Единственный грузовик, наверно, ровесник Григорьича, развернувшись капотом к шоссе, уже готовился выехать с площади. Водитель, стоя на подножке, нетерпеливо махал ему рукой.

– Лыжи, шмотки – в кузов, а сам – в кабину. Давай, уже, поехали, дорога дальняя, – покрикивал привыкший командовать Григорьич.

Лёха недовольно пробурчал себе под нос что-то вроде «сам знаю», упруго взлетел на подножку и устроился на драном светло-коричневом дерматине. В противоположную дверь за «баранку», кряхтя, протиснул свое крупное тело Шнейдер. ЗИЛ завёлся не сразу. Стартер с минуту крутил коленвал, пока после нескольких «вздохов» и «чихов», поршни не завели свою обычную партию басовых. Со скрежетом воткнулась передача, и грузовик нехотя пополз по шоссе. Басма в рюкзачке вела себя на удивление пристойно.

Обочина асфальтированной дороги, усыпанная чёрным шлаком, изрядно протаяла, но в тундре снег выглядел совсем ещё по-зимнему.

За окном потянулись бесконечные линии электропередач и трубопроводы, действующие и не очень. Позади осталась стела со словом «Север», двумя стилизованными чумами и закорючкой, ожидаемо выкрашенной в цвета государственного флага.

– Налево пойдёшь – порт на Реке найдёшь, направо поедешь – в Город приедешь, – начал «экскурсию» Григорьич, – а впереди у нас поселок Аэропорта. Бывший.

Перед Лёхиным взором проплыли печальные остовы брошенных панельных девятиэтажек с пустыми глазницами дверей и окон. Там, где когда-то были уютные квартиры, теперь гулял северный ветер.

– Конец света в одном отдельно взятом посёлке, – прокомментировал Григорьич.

– А почему бросили?

– Содержать нерентабельно.

Общаться со Шнейдером было интересно. Вот только манера говорить через выпяченную вперёд губу слегка напрягала. Впрочем, как и вечно задранный кверху нос.

– Вы, наверно, целый день за рулём, Марк Григорьич? – поинтересовался вежливый Лёха, чтобы поддержать разговор. – Сколько нам ещё ехать?

– До Экспедиции-то? Ещё часов пять пилить будем. Вот и считай, когда я к бабке своей под бочок попаду.

– Да уж, ненормированный рабочий день получается, – посочувствовал Лёха.

– Это точно. Ну, не едет она быстрее, хоть ты чё делай!

– Единственный транспорт в Экспедиции, что ли?

– Щас – да. А так ещё «буханка» имеется, УАЗик.

– Сломалась или занята?

– Машины не ломаются сами. Их люди ломают.

– Кто посмел?

– Михпетыч, олух царя небесного! Мы б щас на той «буханочке» живо бы доскакали. А так – приходится на этом драндулете трястись, – и Григорьич картинно хлопнул ладонями по рулю. – Ну, мог бы ещё на гусеничном вездеходе тебя встретить...

На «шутку» Лёха вежливо улыбнулся.

– А кто это – Михпетыч?

– Да, начальник наш, Михал Петрович, тот ещё кадр. Алкаш конченный. Третьего дня нажрался и «буханку» по брюхо в снег засадил. Пока газовал, сцепление сжёл, паскуда. Я его вездеходом дёргал... Так бы и сидел в сугробе до понедельника, чудак на другую букву. Теперь мне на неделю работы: сцепление менять, с раздаткой тоже чё-то случилось – не пойму пока. Разбирать надо. Как портить, так начальство, как чинить, так Григорыч...

Шнейдера, похоже, понесло. От него Лёха узнал поимённый состав Экспедиции (своего будущего места работы) – всего с десяток человек, не считая сторожей вневедомственной охраны. На каждого Лёха получил от Григорыча полный комплект компромата с нелестными характеристиками, приправленный изрядной порцией рабочих склок и бытовых конфликтов. Выходило, что в Экспедиции есть только один достойный работник, на котором держится буквально всё – это Марк Григорьевич Шнейдер. А остальные – так, только получают зарплату.

– Шо, студент, думаешь, какой я злыдень? – глянул весело на Лёху Шнейдер.

– Ну, почему...

– А я не злой. Я справедливый. Так и запиши!

– Какая тут разница по времени со Столицей? – прикинулся простачком Лёха, чтобы сменить тему.

– Чему тебя учили, студент? Плюс четыре!

«Интересно выходит, – подумал Лёха, – когда летишь на восток, время “исчезает”. Сколько часовых поясов пересёк, столько и потерял. Как будто не жил в это время... Зато обратно возвращаться прикольно: во сколько вылетел, во столько и приземлишься. Как на машине времени!»

...Грузовик усердно разменивал часы на километры в пропорции примерно один к тридцати пяти. Позади ЗИЛа порой собирался внушительный хвост из вечно спешащих куда-то легковушек. Когда сплошная линия разметки распалась на пунктир, они обгоняли шестиколёсного «монстра», иногда нервно сигналили и обдавая фонтанами талой воды и грязи, которые, впрочем, едва долетали до середины его колёс. ЗИЛ без особых «понтон» продолжал делать свою работу. В отличие от водителя, который с «понтами» не расставался, похоже, никогда.

...В Универсе Лёха слыл лентяем и прогульщиком, поскольку терпеть не мог скучные лекции и семинары. Но в интересные для него предметы он погружался с головой.

Перед отъездом Лёха месяца на три «прописался» в библиотеке. Даже в некоторой степени «забив» на искавших его общества друзей и подруг. Он прочёл о снежных лавинах Заполярья всё, что попало в поле его зрения. Изучил карты, аэрофотоснимки, добрался даже до краеведческой литературы. Лёха, однако, вежливо слушал Григорыча. Ему было интересно всё. Как губка, он жадно впитывал информацию.

...Дорога плавной синусоидой скользила вдоль пологих склонов. Впереди показались шахты и отвалы.

– Уголёк добывают? – спросил, чтобы не молчать, Лёха.

– Ну да. Посёлок. Угольное месторождение. Спальный район, ничего интересного.

Действительно, угольная пыль тонким слоем покрывала всё вокруг. Серым был снег и даже воздух.

– Да, невесело тут, – заметил Лёха.

– Дома-то не зря ярким красят! Смекай, студент!

Лёха перешёл к главному:

– Марк Григорыч, а что мне на работе нужно будет делать? Не знаете?

– Чё-чё? Лавины изучать.

– Ну, это понятно. А конкретно?

– Тебя ж учили, не меня. Тебе лучше знать!

– А всё-таки? Расскажите что-нибудь! – не отставал от собеседника Лёха.

– Ну, вот, возьми прошлый год. Сам Генеральный к нам в Экспедицию заезжал. Ругался страшно. А Михпетыч ни в зуб ногой, ни «бе», ни «ме». Он же гидролог. Кроме речек своих да озёр ничего не знает. Какие ему лавины? Задницу бы свою прикрыть...

– А что случилось-то?

– Что-что? Рудник «Хребтовый» чуть не остановился. Лавина подстанцию снесла и скиповой ствол зацепила. Клетевой уцелел. Знаешь, как все там забегали?

– Догадываюсь. Пострадавшие были?

– Не, обошлось. А прикинь, если б клеть с шахтёрами вниз упала? На полтора километра? Там же всё на электричестве работает!

– Ну, есть же другие источники питания... аварийные?

– Без тебя знаю. Сюда слушай! Генеральный, значит, рвёт и мечет. Управление стоит на ушах. Знаешь, как там за технику безопасности уши дерут? Не знаешь. Виновным сразу бошки отрывают! Без разбора! Вместе с ушами.

– И много здесь лавин?

– А то! Тя ж поэтому и позвали.

– А до меня что, специалистов не было?

– Как не было? Был тут один, зануда нерусский. Асан Нурисов. Как это называется? Перфекционист, что ли? Ну, который любит во всём порядок. Чтобы тапки в ряд стояли. Михпетыч от него в кабинете прятался и на замок запирался, потому что достал он всех.

– Давно уволился?

– Два года уж.

– А специалист он какой был?

Григорьич будто бы не расслышал:

– При нём матом не ругайся! Бензин не воруй! Вездеход в пургу гоняй! Всё у него должно быть по графику! Да чушь собачья это! Сечёшь? Это же Север! Как тут можно по графику жить? То пурга, то мороз. А он – давай-давай, Григорьич, заводи, поехали! Нет бы денёк-другой подождать, пока погода наладится. Тогда и поедем. Сиди вон, чай свой пей. Не отсвечивай. Можно потом вдвое больше успеть, когда пурга уляжется... – Григорьич на минуту задумался. – Хотя, конечно, Асан Саламыч-то этот, Нурисов, дело свое неплохо знал. При нём-то как раз-таки порядок был. И Комбинат доволен, и Михпетыч в авторитете. Экспедиция, как положено, при деньгах. Снегоход новый купили, вездеход, «буханку» отремонтировали...

Лёха озадаченно кивнул.

– Но щас в Экспедиции у нас полный бардак! Чтоб ты знал и не удивлялся, – продолжил свою «политинформацию» Григорьич.

– А в чём дело?

– Денег нет, запчастей нет, зарплату с февраля не платили. Разве ж это жизнь, без зарплаты?.. Какие «полярки», какие северные коэффициенты? Денег месяцами не видим! Ни гроша! Валить надо отсюда на «материк»!.. – Григорьича опять понесло.

– Денег, денег-то почему нет? – допытывался Лёха.

– Из-за вас всё, из-за лавинщиков! Так Михпетыч говорит. И на вас всех собак вешает.

– А мы-то здесь при чём?

– При том! Ещё не понял?

– Нет пока.

– Объясняю специально для образованных студентов: инженера не было, из лавинщиков только два техника: Витька и Ванька. Комбинат Договор подписывать не хотел.

– На снеголавинные работы?

– Точно. Допёр, наконец? В тебе всё дело, студент! Понял? Потянешь работу – будем шоколад кушать. Не потянешь – будем другое разгребать, тоже коричневое!

– Я постараюсь, – почесал подбородок Лёха.

– Смотри! Вон сколько от тебя зависит!

– Да, понял я, понял, – кивнул Лёха и расстегнул молнию на куртке, – жарко что-то у Вас тут в кабине.

– На работе тебе ещё жарче станет! Так и знай!

Басма в рюкзачке завозилась и стала тихонько поскуливать. Лёха взял её на руки.

– Сожрёт Чара твою малявку, как пить дать сожрёт! – в очередной раз «обрадовал» Лёху Григорьич.

Глава 4. Рабочее место

Через полчаса пути Шнейдер немного поостыл и вроде как подобрел. Видимо, настроение у него менялось часто и без видимых причин – прямо как погода на Севере.

На спуске с очередной сопки понесло настоящую зимнюю позёмку. «Май месяц... – подумал Лёха.»

– А знаешь, чё там за трубы? – покосился налево Григорьич. – Завод наш главный. Который стране цветные металлы даёт. А ещё редкие и драгоценные. Чё тут только не плавят!

От заводских труб потянуло дымом с привкусом всей таблицы Менделеева.

– И как здесь люди-то живут? – закашлялся с непривычки Лёха.

– Не дрейфь, студент! У нас в Пригороде воздух почище. Это тебе не Город. А у тебя, на Горе – ваще как на курорте!

– На какой такой Горе?

– Увидишь, на какой, тебе всё покажут. Насмотришься ещё, надоест, – заверил Григорьич и снова замолчал на полчаса. У Лёхи появилось время поразмышлять:

«Ведь как государству повезло: и руда, и уголь, и газ, и вода, и энергия – всё в одном месте! Только условия для жизни... слегка экстремальные».

Лёха много прочёл по истории этого промрайона. О том, как давным-давно нашли в горах залежи руды и угля, привезли заключённых, построили бараки, рудники и заводы. Возле них вырос Северный Город. Начал работу Комбинат.

Спустя годы месторождения истощились, а новых найти не удалось. Комбинат готовился к закрытию и вывозу людей на «большую землю».

И тогда геологи, в самый критический момент истории, во многом случайно, нашли новое рудное тело, которое подарило вторую жизнь и Городу, и Комбинату, и всему промышленному району.

Руда залегала глубоко. Но её добыча стоила свеч: таких богатых месторождений не было нигде в мире. Так возник Пригород – новая сырьевая база промышленного района. Комбинат продолжил работу.

«Если б не эти геологи, я бы сейчас не ехал с Григорьичем, – думал Лёха, – а Город был бы похож на тот заброшенный поселок возле Аэропорта... Если наш мир – театр, то у него, наверно, должен быть режиссёр!»

Лёха вспомнил «свой» бетонный столб на выкате с горнолыжной трассы, к которому он мог приложиться на скорости и головой, и ногами, и спиной. Однако, скользнул по нему только бедром. А на скутерах как гоняли? Удирали по мокрой дороге от милиции? А молния в горах? Так шандарахнула, что имя своё забыл, и камни вокруг засветились...

Лёха тогда из всех сил молился неведомому Богу и даже обещал Ему сходить в церковь и покреститься... Если, конечно, живым спустится вниз.

Спустился. Но до церкви не дошёл...

Лёхины размышления прервались, когда натужно, отталкивая от себя шесть огромными колёсами заснеженную дорогу, ЗИЛ вполз на бугор и остановился перед одноэтажным бараком с облупившимся фасадом, двумя дверями и тремя гаражными воротами.

– Во. Это наша Экспедиция. Там метеостанция, это мои гаражи, – показал рукой Григорьич. – Пойдём, с Чарой познакомлю. Не бойсь, провожу.

Из-за двери послышался львиный (не иначе) рык. Огромная овчарка-полукровка силилась вырваться наружу. Сторож Никаноровна мужественно держала дверь.

– Фу, Чара, фу, место, – голосила она.

– Запри её у гидрологов, дура, – невежливо подсказал Григорьич.

Никаноровна вскоре показалась на улице:

– Доброй ночи! Я – Мария Никаноровна. А вы, верно, – наш новый инженер. Очень приятно! – окая, тараторила сторож. – Костромская я. Никого туточки нету, теперь только завтра будут.

– Да, Алексей, велено тебя здесь разместить. Остальное завтра решите. А я домой пошел, старуха моя совсем заждалась, – завершил «экскурсию» Григорьич и с чувством выполненного долга пошёл запирать ворота гаража на ржавый висячий замок.

Лёха прошёл внутрь. Где-то в глубине здания бесновалась Чара. Справа обозначилась пустая комната с допотопным компьютером, соединённая с кладовой. Та была завалена какими-то устаревшими метеорологическими приборами.

– И что это наша Чара так разошлась? – причитала Никаноровна.

– Щенок у меня, – признался Лёха.

– А, ну тогда понятно...

Добрая женщина принесла из холодильника пакет молока, позаимствовала у Чары варёную оленину.

– Кушай, кушай, маленькая! Да и Вам, Алексей, не мешало бы подкрепиться. Летели, чай, полные сутки! Щас супчик подогрею...

Пока Лёха осматривался на новом месте, Никаноровна принесла ему тарелку, ложку и ломоть черного ароматного хлеба. Умом он понял, что сторож уступила ему часть своей «ночной» пайки, но сделала она это с таким радушием, что отказаться Лёха был не в силах. А, может, он просто сильно проголодался?..

Так или иначе, благодарный Никаноровне и даже немного прослезившийся Лёха, после всех приключений этого дня, мгновенно задрых на стульях прямо на своем будущем рабочем месте. Басма расположилась рядом, поверх своего рюкзачка. Овчарка Чара была командирована Никаноровной на охрану окрестностей Экспедиции.

...Сквозь прозрачный утренний сон Лёха различил негромкий диалог. Марк Григорьич рассказывал кому-то про своё вчерашнее путешествие.

– Как там наш студент? С лыжами? С горными? С собакой, да? А как он сам? Сколько лет? Что говорит? Как выглядит? – забрасывал Григорьича вопросами незнакомец.

– Да обычный он. На богатыря немного похож. Из того мультика. Сам увидишь. Моё дело что? Баранку крутить. А ваше дело? Лавины! Смотри, чтобы Договор Комбинат подписал! И у меня зарплата в этом месяце была! – наставлял кого-то за дверью Григорьич.

– Михпетыча-то ещё нету? – спрашивал первый голос.

– Не, пока не было...

– Начальство не опаздывает, оно задерживается.

– И то верно.

Лёха угадал в незнакомце техника Витьку, своего, стало быть, подчинённого. Второй техник, Ванька, по словам Григорьича, дежурил на какой-то неведомой пока Горе.

За полдня вынужденного «простоя» Лёха успел хорошенько выгулять Басму и близко познакомиться с экспедиционной собакой Чарой, гидрологами, дежурной по метеостанции Русланой, с габаритной бухгалтершей Маргаритой Михайловной и волоокой Леночкой, кадровиком и секретарём на полставки. Все (кроме Чары) нового инженера приняли радушно, хотя и немного настороженно.

Лёха без помощи компьютера, от руки (что с ним давно уже не случалось) накатав заявление о приёме на работу, составил ещё несколько важных бумаг, подписал должностные инструкции, штатное расписание и распоряжения по ТБ. Ничего другого пока не требовалось.

...Витька оказался компанейским и на редкость словоохотливым малым. За полтора часа монолога он успел пересказать Лёхе всю свою жизнь, от службы в армии в горячей точке до института физкультуры и неудавшейся карьеры горнолыжного тренера. От развода с прежней

женой до свадьбы с нынешней, о детях и школьных оценках, о болячках и вечерних телесериалах, рыбалке и охоте... О деталях Витькиной интимной жизни Лёха дослушать не успел. На работу наконец-то добрался, благодаря Григорьичу и его незаменимому ЗИЛу, начальник Экспедиции Михаил Петрович Курбатов.

– О, нормуль, Лексей наш на месте! – Михпетыч приобнял Лёху за плечи, словно старого приятеля. – Пошли-ка, брат, ко мне в кабинет, побазарим по душам немного.

Михпетыч выглядел неважнецки – лысоват, средних лет, с лицом, под стать своему немного помятому костюму.

В его кабинете соседствовали огромный шкаф с папками (отчёты за много лет – догадался Лёха), две тумбочки на колёсиках – с ноутбуком и с чайником, а также длинный Т-образный стол для небольших совещаний.

– Заходи, Лексей, не стесняйся! Теперь ты здесь как дома. Добрался-то как? – говоря дежурные фразы, Михпетыч попутно рассверливал Лёху взглядом то ли опытного начальника, то ли бывшего уголовника. Чувствовалось, что людей он «читал с листа» и ладить с ними умел.

Пока Лёха излагал свою недлинную трудовую биографию, Михпетыч извлёк из-за папок початую бутылку коньяка, а из тумбочки – пару гранёных стаканов. Оттуда же появилось блюдце, дивной красоты нож и свежий лимон.

– Режь, – распорядился начальник. Немного подумав, он достал из тумбочки третий стакан и попросил позвать в кабинет Витьку.

– Тока тихо! – предупредил Михпетыч.

Витька долго себя ждать не заставил. Коньяк мигом разлили по стаканам, и Петрович уже начал произносить первый тост:

– Ну, Лексей, давай за всё хорошее! За тебя, за твой Университет, и за лавины! И за твой Договор!

Когда Лёха и Михпетыч проглотили свои стограммовые порции, а Витька, сославшись на утренние часы, свой стакан еле пригубил, в кабинет ураганом влетела бухгалтер Маргарита Михайловна. Своим бюстом она резала воздух не хуже, чем атомный ледокол двухметровый лед на реке.

– Михал Петрович! Ты опять! Ну шо за человек?! Спаиваешь молодое поколение! Опохмелился? И всё, и буде. Давай за работу. Я тебе сейчас сметы по Договору принесу, ты их посмотри, и вместе править начнём. И бутылочку-то давай сюда! Давай-давай. Не прячь, я всё вижу. Мы с девчонками тебе торт лучше спечём, фруктово-коньячный, у Леночки послезавтра праздник намечается.

Петрович обречённо отдал почти пустую бутылку (целую бы не отдал) Маргарите Михайловне и совершенно трезвым голосом произнёс:

– Давай, Лексей, ты сегодня поезжай с Витькой на Гору, а я, правда, лучше сметами займусь. Завтра утречком встретимся здесь и детально все дела обсудим. Парень ты, я вижу, нормальный, думаю, сработаемся. Скажи Григорьичу, чтобы подбросил вас до Базы. Давайте! Вперед!

И тут же за спиной у Маргариты Михайловны «махнул» недопитый Витькой стакан.

Лёха вышел из кабинета начальника слегка озадаченным.

– Не дрейфь, инженер. Михпетыч – мужик «что надо», – объяснял на ходу Витька. – И квасить умеет, и работать могёт. Вот только, бывает, уходит «в штопор» временами. Один ведь, без бабы живёт. Маргарита Михална ему как мамка, как нянька и как сестра. Слушается. Решают всё вместе. Михпетыч – мужик в хозяйстве головастый, а Михална в бухгалтерии «шарит». Вот тем Экспедиция и живёт.

– Ладно, Вить, разберёмся постепенно. Поехали на твою Гору. Где это?

– Подними голову и увидишь!

Глава 5. Страна чудес

Прямо над зданием Экспедиции стеной возвышалась Гора. Именно Гора с большой буквы «Г». Ее плоская вершина, едва различимая то ли в тумане, то ли в облаках, и справа, и слева обрывалась почти отвесными скалами. Нижняя половина склона, обращённого к Экспедиции, была расчерчена линиями бугельных горнолыжных подъёмников. Лишь одна «креселка», исчезая в тумане, видимо, тянулась до самой вершины.

Гора впечатляла размерами и крутизной. Но Лёха знал, что издали склоны всегда кажутся круче. А подойдёшь ближе, и они как бы «ложатся» перед тобой.

Марк Григорьевич копался в гараже – перебирал сцепление «убитого» начальником УАЗа. Дело свое он делал не спеша, вдумчиво, не за страх, а за совесть. Бурчал себе что-то под нос: то ли напевал, то ли ругался, то ли общался с машиной – издали было не слышно. Лёха с Витькой, постояв в нерешительности и поглазев не его работу, единогласно решили Григорьевича не беспокоить.

– Ну, что, Вить, пойдём, что ли? – полувопросительно «скомандовал» Лёха.

– Как скажешь, инженер. Лыжи возьми, сезон открывать будешь.

– Не поздновато ли – в мае сезон открывать? Может, закрывать пора? – удивился Лёха.

– Для этих широт – в самый раз! Еще весь июнь кататься будем. Ты в стране чудес, привыкай!

За время пути Лёха узнал много нового: что снеголавинная станция на плоской вершине Горы существует уже седьмой год; что строительный вагончик туда забросили вертолетом МИ-6; что электричество протянули от конечной станции канатной дороги; что лавинщики там дежурят без праздников и выходных по десять дней; что Новый год, по традиции, справляют на Горе все вместе, что каждые шесть часов снимают показания приборов, раз в пять дней копают шурф и делают снегомерные съёмки; что площадка задумана и оборудована прежним руководителем группы Асаном Саламовичем Нурисовым; и что через четыре дня наступит Витькин черёд заступать на вахту.

Басма из всех щенячьих сил пыталась поспеть за лавинщиками, но быстро выдохлась. Лёхе, уже привыкшему к присутствию собаки в своей жизни, пришлось посадить её снова в рюкзак.

Через пятьдесят минут быстрой ходьбы из-за огромного снежного надува показалось здание нижней станции кресельного подъёмника.

– Хорошо, что Григорьевича беспокоить не стали. Вряд ли бы он тут проехал, – высказал свое мнение Лёха.

– Ну, да, сюда только на вездеходе, – оценив препятствия, согласился Витька, – второго такого водилы и моториста днём с огнём не найдёшь. Лет двадцать пять уже в нашей Экспедиции. Хоть и брюзжит, но привык, говорит, задницей прикипел. Уже трёх начальников пережил. И нас с тобой переживёт, будь спокоен!.. Хотя вредина, конечно, редкостная! Но этого я тебе не говорил...

Откидав снег лопатой, припрятанной за углом, Витька отпер дверь своим ключом. Она, как обычно на Севере, открывалась вовнутрь, чтобы можно было выйти, если вдруг заметёт вход. В полумраке первого этажа Витька нащупал выключатель, и неяркий свет озарил огромное помещение.

Чего здесь только не было! По этим лыжам, как в музее, можно было изучать историю горнолыжного спорта.

– Да уж, снаряжения здесь миллионов на сто! – вслух прикинул Лёха. – И всё закрыто на обычный замок? У нас бы этим лыжам давно «ноги приделали»!

– А что, в прошлом году одни умники «бомбанули» нашу базу, так ребята их быстро вычислили и начислили. Город-то не столичный. Те «бомбилы» с аккуратно отбитыми почками потом долго извинялись и обещали больше никогда так не делать... А кто здесь ворует? «Наркота» и «школота». Мы на них быстро управу находим. Тундра большая, народу без вести пропадает много. Песцы быстро человека съедают. Или рыбы в реке.

Лёха слегка округлил глаза и шумно сглотнул. Витька в ответ криво ухмыльнулся. Улыбаться обычным образом ему мешал шрам на щеке – память о службе в горячей точке.

– Не бойсь, студент, если будешь человеком – с нами не пропадёшь!

– Я вроде уже не студент.

– Ага, Лёх, извини, я по привычке. Ты инженер и командир. Мы теперь все от тебя зависим.

– По зарплате что ли?

– И по ней, родимой, тоже!

– Ну да, Шнейдер мне вчера все уши промыл.

Пока не обулись в громоздкие горнолыжные ботинки, Витька показал Лёхе машинное отделение. Такого разгрома, неверное, не было ни на одной канатной дороге мира. Везде торчали оголённые провода, валялись ржавые ролики опор, болты, гайки разных размеров, электрические реле и пакетники всех калибров. В углу штабелем стояли железные банки со смазкой.

– Так и живём, – подмигнул Витька. – Этот подъёмник начали строить лет двадцать назад, да не достроили. Был тогда на Комбинате Главный инженер – большой любитель горных лыж. Он стройку и затеял. Всё по уму: смета, проект. Только скоро тот человек то ли помер, то ли на «материк» слинял, и стройка без него встала. Госкомиссия подъёмник так и не приняла, на баланс не поставила. А мы пошустрили маленько и всё это под себя подгребли. Прав никаких, одни обязанности. Но вот, видишь, пользуемся.

– А не опасно так? – удивился Лёха.

– Цирроза бояться – водку не пить, – отшутился Витька, – однако, без верёвочки мы не ездим. Бывало, и электричество отрубали, и мотор ломался, и релюхи вышибало. Там, знаешь, местами, кресла высоко идут. На седьмой опоре так метров двадцать до земли будет, не прыгнешь без парашюта. Но ты, студент... ой, инженер, не дрейфь, всё под контролем!

– Да я и не боюсь, – пожал плечами Лёха, – я в горы ходил, третий разряд по альпинизму.

– А по горным лыжам?

– Между вторым и первым.

– Почему между?

– Тренер меня пожалел, когда я в Универ поступал. Разряды тогда имели значение. Я на первый не накатал.

– А я Мастера спорта когда-то выполнил. Только карьера не задалась. Расшибся один раз сильно на скоростном спуске. По косточкам собирали.

– Это ещё до армии?

– Ага. Собрали, подлечили. А тут война. Спортсменов в спецназ позвали. Я согласился.

– Да уж, – вздохнул Лёха, – только я никуда не успел.

– Не дай тебе Бог! Не нужна она никому, война эта. Мы, солдаты, наверное, самые мирные люди на Земле. Хотя, снова встанем, если чё. А пока и здесь дел хватает.

– Вить, а как ты в лавинщиках оказался?

– Меня Асан Саламыч позвал. Мы с ним по горячей точке были знакомы.

– Он что, тоже воевал?

– Не, лавинами там занимался.

– Ну, расскажешь потом...

– Про войну рассказывать не буду, не проси. Поехали?

Витька деловито защёлкал автоматами в металлическом шкафу, а после тумблерами на пульте управления подъёмником. – Ща поставим таймер минут на сорок. Выключать-то подъёмник некому.

– Хитро придумано! – восхитился Лёха.

– Думаю, мы наверху до вечера пробудем, – прикинул Витька. – А потом на лыжах спустимся и всё здесь проверим и обесточим.

...По-старчески крякнув, кресельный подъёмник завертел в машинном отделении огромное колесо. Гирлянда одиночных кресел на толстенном тросу нехотя сдвинулась с места: половина – к вершине горы, другая – вниз, в долину. Несмазанные ролики на ближайшей опоре жалобно заскулили. Им «подпела» из рюкзака бедная Басма, которая, видимо, уже устала удивляться происходящему вокруг.

Кресел на тросе явно не хватало – они висели то густо, то пусто. Как пояснил Витька, у них периодически срывало ржавый крепёж, и чтобы уравновесить всю систему подъёма, приходилось снимать и другие кресла на противоположном участке троса.

Быстро обувшись в пластиковые ботинки, лавинщики заперли дверь, встали на лыжи и с ходу запрыгнули в кресла подъёмника, выбрав на вид самые целые и сухие. «Спасательная» веревка была одна, и вёз её с собой Витька. У Лёхи на коленях в рюкзаке ехала Басма.

– Кстати, Лёш, не забудь у Ваньки ключ от «гостинки» взять. Поживёшь у него, пока Михпетыч тебе жилье пробивать будет (это у нас скоро не делается). А скоро я в отпуск уеду, до осени. Тогда ко мне переберёшься, а заодно и за цветами присмотришь.

Кресла находились в десяти метрах друг от друга, и люди могли спокойно переговариваться между собой. Но сейчас Лёхе хотелось помолчать. Притих, к счастью, и словоохотливый Витька.

...Мерно покачиваясь в креслах, лавинщики вплывали в какой-то другой мир, руководимый иными законами бытия. С торжественностью обряда жертвоприношения их медленно проглатывали облака. В этот будний день на склоне огромной Горы они были совершенно одни. Чего случись, хватились бы их не раньше выходных. Лёха это понимал. Но страха не было. Скорее, был тихий восторг.

Белая мгла разрешала Лёхе видеть только Витькину спину впереди и кресла подъёмника, бесшумно скользящие на встречном тросе вниз. Как в причудливом сне, они выныривали из тумана и через мгновение в нём же растворялись за Лёхиной спиной. Каждые полторы-две минуты металлическими деревьями на пути вырастали опоры, о приближении которых можно было догадаться только по скрипу роликов и перестуку расходящихся с ними кресел.

Порой трос, вторя изгибам рельефа, взлетал вверх на высоту пятиэтажного дома или опускался чуть ли не до самой земли, заставляя лавинщиков поджимать в креслах ноги.

Между делом Лёха рассматривал поверхность снега. Местами она щетинилась огромными застругами, в ложбинах, напротив, была довольно ровной; кое-где из снега торчали острые тёмно-коричневые скалы, слегка тронутые мхами и лишайниками. Кустов и, тем более, деревьев, на склоне Горы не было и в помине.

Лёхе вспомнился вчерашний авиаперелёт, стройная стюардесса Алла, облака, плавное скольжение между землёй и небом навстречу неведомой судьбе. На него опять накатила какая-то лёгкая грусть, словно предвестие чего-то значимого, что в любой момент может показаться в тумане из-за следующего перегиба склона.

– Не спи, приехали! – предупредил Витька, когда из тумана показалась конечная станция подъёмника.

Лавинщики ловко спрыгнули с кресел, в белом молоке тумана сначала утонул Витька, скользнувший на лыжах куда-то вбок, а потом и поспешившие за ним Лёха и Басма.

Через несколько секунд спуска они притормозили у лопаты, воткнутой в снег возле плоской железяки. Чуть дальше виднелись силуэты каких-то приспособлений.

– Метеоплощадка? – догадался Лёха.

Витька снял лыжи, воткнул их в снег и затопал горнолыжным ботинком по металлу:

– Вставай, лежебока!

Железяка оказалась люком, ведущим куда-то под снег, в темноту. Громыхая по деревянной лестнице, Витька спустился вниз, судя по количеству ступенек, метра на три. Пока Лёха снимал лыжи, Басма сиротливо жалась к его ногам.

– Нясяльника, заходи, однако, саяй пить будем! – весело проорал из-под снега как чукча из чума Витька.

– Иду, – ответил Лёха и полез в чёрную дыру.

Глава 6. Бригада

Из холодного тамбура, где по углам из-под снега торчали разные железки и инструменты, дверь, обитая по периметру войлоком, вела в тепло. Длинную комнату венчал пьедестал широченных нар, которые как бы парили над всей обстановкой. Слева у стены располагался массивный верстак с огромными тисками и развешенным в образцовом порядке инструментом, а справа – кухонный стол с грязнущей электроплиткой и горой невымытой посуды. В центре комнаты, был устроен обеденный стол, покрытый изрезанной клеёнкой в цветочек, и две лавки возле него. На отдельной тумбе говорил черно-белый ламповый телевизор, над ним с полки нависал радиоприемник того же почтенного возраста. В дальнем углу, возле окна, ютился небольшой столик с метеорологическими приборами, журналами наблюдений и какими-то книгами.

Гостей встретил пузатый мужичок в шлёпанцах на босу ногу, драных трениках и клетчатой рубашке, чем-то похожий на Фродо Беггинса из той самой книжки. Рукопожатие мягкой и теплой ладони Лёхе понравилось, как и выражение добрых Ваниных глаз.

– Ну, будем знакомы, товарищ начальник. Я – Иван.

– Можно без церемоний, – предложил Лёха.

– Идёт, – живо согласился Ваня, – кашу будете?

– Да, ты лучше свою кашу Басме скорми, злодей, – отозвался на предложение Витька. – Григорыч твой «приспущенный» рис уже второй год вспоминает, бензина у него теперь фиг допросишься. Давай чаю быстрее, прохладно на подъёмнике как-то.

Только сейчас Ваня разглядел любопытную собачью морду, высунувшуюся из-за Лёхиной пазухи. Его глаза, и без того добрые, сразу увлажнились.

– Собача, – пропел Ванька и буквально вырвал Басму из Лёхиных рук. – Овчарочка! Как нас зовут?

– Не обращай, Лёх, внимания, – пояснил Витька, – он у нас на живности слегка тронутый.

– Сам ты тронутый, – парировал Ваня, – ты про ножики свои ещё не все уши Алексею прожужжал?

Витька слегка зарделся и сделался важным:

– Нет ещё, не говорил.

– Да ну!? – вполне искренне удивился Ванька. – Уже полдня знакомы, а ты ему про ножики ни слова? Ну, ты, брат, даёшь! Стареешь, наверное. Когда такое с тобой бывало?

И мужики весело рассмеялись.

– Ну, чего, будем за встречу? – Витька с Ванькой переглянулись и вопросительно поглядели на «шефа».

– А у вас есть? – поднял брови Лёха.

– Найдём! – хором выпалили мужики, еще раз переглянулись и прыснули от смеха. – Ты не думай, начальник, мы пьем только по поводу.

– Так я вам и поверил.

– Честное пионерское, мы не сговаривались, но оба по пузырю захватили. Мы же знали, что ты прилетишь!

– Допустим, верю, – улыбнулся Лёха.

– А так на Горе у нас сухой закон. В полярную ночь минус пятьдесят бывает. Это не шутки. Если электричество отрубят, вагончик за полчаса остынет. Температура будет как в открытом космосе. Надо трезвую голову иметь, чтобы всё тут закрыть и до города на лыжах спуститься.

– Это правильно, – начал Лёха, но его слова утонули в трезвоне допотопного механического будильника.

– На «срок» пора, – всполошился Ванька, – Вить, ты пока закусь приготовь. У тебя лучше получается. А я мигом!

– Вань, я с тобой, – попросился Лёха, – хочу посмотреть, что у вас за площадка.

– Не «у вас», а «у нас»! – и Ванька стал натягивать на треники ватные брюки.

Вскоре, как хоббиты из норы, лавинщики выползли на свет. Собаку вытолкали из люка первой. Теперь Лёха мог реально представить высоту снежного покрова. Вагончик на фундаменте был засыпан по самую крышу. Метра три с половиной. И это на продуваемой ветрами вершине! Сколько же тогда снега в долине?

– Вань, а если люк заметёт? Как вылезать будешь? – поинтересовался Лёха.

– Да не должно, уже весна скоро.

– Весна уже третий месяц идёт...

– Тут календарь другой. Лето весной называется. В прошлые годы так не заметало.

– Надо что-то придумать.

– Ну да, мы на лето стройку наметили, второй этаж делать будем, типа гараж для снегохода. Тогда вагончик точно не заметёт!

– Витька же в отпуск уедет?

– Значит, без него построим.

...Две покрытые инеем метеобудки на ногах-лесенках и мачта с флюгером и вертушкой как-то совсем инопланетно смотрелись на фоне абсолютно белой облачно-снежной действительности.

– Всё честь по чести, – отметил Лёха, – как Гидромет прописал.

Иван полазил по будкам и возле них, записал показания приборов.

– Вань, а часто напочвенные термометры улетают? – любопытствовал Лёха.

– Да постоянно! У Михпетыча на складе их почти не осталось. И будки сперва валило.

Потом мы с Саламычем догадались бетонные блоки привезти и в основании положить. Теперь порядок!

– А как показания берёте, если термометр улетел?

– Никак. Прочерк ставим. Липу не пишем. Так Саламыч сказал. Мужик сильно дотошный был и в работе честный. Если проспал «срок» (у меня такое бывало) – так и пишу: проспал.

– А лопасти на мачте часто обрывает?

– Раз пять за сезон. Растяжки снимаем, мачту опускаем. Только лучше это вдвоём делать, тяжелая она, зараза.

– Ну, теперь троём будем.

Иван благодарно посмотрел на «шефа» и пошёл к будке с гигрометром.

– Беда на Горе с влажностью, – пожаловался он, – прибор инеем обрастает постоянно.

Иногда с палец толщиной.

– И что делаете?

– Кисточкой чистим. А весной и осенью тарировку делаем.

Всю эту метеорологическую канитель Лёха помнил как-то не очень чётко.

– Научишь потом?

– А как же! – пообещал Ваня.

– У нас практика очень давно, на первом курсе была.

– Не вопрос. Всё знать невозможно.

– Лыжи занести, Вань, как думаешь?

– Погоди, осадкомер еще... Лыжи? Да ну их, пусть стоят. Здесь никто в такое время не ходит. Вот летом – проходной двор. Пацанье лазит... Хотя нет, давление у нас падает, значит, ветер будет. Забери их от греха подальше. Улетят.

... В вагончике аппетитно шкворчала на сковородке тушёнка с луком, появились на столе и огурчики, и сало, и свежий черный хлеб, который Витька захватил снизу. И три классических гранёных стакана. Витька даже успел оттереть электроплитку и перемыть посуду.

Ванька переписал результаты наблюдений в журнал, дополнил их данными психометрических таблиц и анеморумбометра, слил растаявший снег из осадкомера в мерную колбу, довольно крякнул, сладко потянулся и подошёл к столу. Тем временем сытая Басма уже изыскивала место для отдыха на коврике под электрической батареей.

– Ну, что, мужики, будем?

– Будем, конечно, куда ж мы денемся с этой лодки?

Выпили. Закусили. Еще выпили. Еще закусили. Разговор пошёл веселее.

– Ты, инженер, не паникуй, во всём тебе поможем, – уверяли лавинщики в два голоса. – У нас работа не пыльная. Всё успеваем. На Горе сидим. Снегомерки делаем (у нас их девять – шесть в Пригороде, одна здесь, на Горе, две в Городе). Шурфы по району копаем, каждые десять дней. Здесь почаще.

– Систему наблюдений кто придумал? Саламыч ваш?

– Он самый. Я тут шесть лет работаю, Ваня четыре, – высчитывал Витька. – Вагончик стоит семь лет. Стало быть, Асан Саламыч, наверно, лет десять назад сюда приехал.

– А куда же он теперь подевался? – поднял глаза от тарелки Лёха.

– Да толком никто не знает. Он с нами водку не пил. Говорил только о работе. Уволился и уехал. Может, Михпетыч в курсе?

– А что после него осталось? Ну, отчеты какие-то, данные наблюдений?

– Да, конечно, всё осталось, там, внизу, в Экспедиции. Мы в науку не лезем, у нас другие интересы, – обозначили свою позицию мужики. – Но наблюдения, которые мы ведём – в полном порядке. За это мы отвечаем. Журналы в шкаф складываем, как Асан Саламыч велел.

– Кстати, он большой спец в плане лавин был, – перебил Ваньку Витька, – при нём ни одного несчастного случая не припомню. За столько-то лет!

– А уехал – и началось! За три года две лавины на «Хребтовом», с ущербом, на карьере «Гравийном» два трупа, буровую у геологов смыло (восемь трупов), пульпопровод порвало пару раз, газопровод сносило и железную дорогу присыпало несколько раз.

– Это мы ещё школьников на карьере и туристов в тундре не считаем.

– Может, Асан Саламыч какой секрет знал? – произнёс задумчиво Лёха. – Формулу какую-то для прогноза?

– Короче, братцы, давайте за Асан Саламыча! – подвёл итог Витька.

– И ты, начальник, давай, тоже не подкачай! – добавил от себя Иван.

Разговор дальше пошел попроще: о ножиках, делать которые Витька был большой мастер, о собаках, об охоте, о будущем отпуске. Лёха слушал вполуха, поскольку ему не давала покоя мысль об этом таинственном Саламыче. Вот бы его повидать! Но Лёха пока эту мысль додумывать не стал – сперва надо было поговорить с начальством и разобрать архивы, оставшиеся в Экспедиции.

– Вот что, мужики, – произнёс, подумав, Лёха. – Менять сейчас в работе мы ничего не будем, не переживайте. Напрягать вас сильно не стану. Вы, я вижу, и по хозяйству успеваете, и наблюдения ведёте... Короче, вы не стесняйтесь, если хозработы какие – меня зовите, всё вместе сделаем. Дежурить тут я тоже в очередь буду.

Мужики на этих словах переглянулись и расплылись в улыбках.

– Ну, Лёш, ладно, ты – молоток, мы поняли, спасибо, поможем во всём, – пообещал за обоих Витька. – Только вот скоро лавины пойдут, тебя Комбинат задёргает. Ты давай там, разбирайся с ними. А летом, когда я в отпуске буду, ты уж помоги Ваньке за Горой присмотреть. Труда сколько в неё вложено! И нашего, и Асана Саламыча.

– Давай за Гору выпьем, – предложил Ваня, – хорошо здесь, спокойно.

Посидев еще часок, мужики решили вниз не спускаться. Домой Витька позвонил и соврал, что сломали замок на горнолыжной базе, и он её караулит. Ваня и так был на вахте, его никто не ждал. А Лёхе звонить было некому.

Его голова немного кружилась, поэтому приснилась всякая дребедень: шатающиеся, как деревья от ветра, метеобудки, из которых поминутно выпадали и разбивались термометры; подъёмник, в раскачивающихся креслах которого ехали какие-то незнакомые стюардессы в ярких комбинезонах, за ними сердитый Григорьич с баранкой в руках и Ванька с Басмой на плече, а также какой-то седобородый дед, приветливо машущий Лёхе рукой. Потом всю эту компанию проглотил плотный как лист ватмана туман и... тут же прозвенел немилосердный будильник.

Глава 7. Дороже денег

Лёха вскочил сразу – не ушла ещё армейско-студенческая закалка. А вот Витька ковылялся подольше. Старше Лёхи он был лет на пятнадцать, а то и на двадцать. Умыли физиономии, наскоро попили чайку и пошли на выход. Ветер был крепок, около 20 метров в секунду, как и прогнозировал вчера Иван. При желании на такой ветер можно было «прилечь», раскинув руки для парусности. Несмотря на раннее утро, было по-дневному светло. В мае в этих широтах уже почти не темнеет – день прогоняет ночь южнее, далеко за Полярный круг.

Лёха обомлел. Погода сменилась, и перед ним открылась широченная долина, обрамлённая на горизонте невысокой горной грядой. Под ней дымил трубами Северный Город, а свежий ветер увлекал бело-желтый дым куда-то на юг. У Лёхиных ног, под Горой, во всей своей красе открылся Пригород – ярко раскрашенные коробки панельных домов, садики, школы, магазины, дороги. По ним крошечные автобусы везли рабочий люд на рудники известного на весь мир Пригородного Месторождения. Ближе к подножию Горы и немного правее серел «спичечный коробок» Экспедиции, куда позавчера привез Лёху Григорыч. Большая часть долины уже была заполнена светом восходящего солнца. Только Пригород пока что находился в тени Горы, на которой стоял Лёха. Солнце светило ему в спину. Если хорошо приглядеться, то можно было различить огромную Лёхину тень, разлёгшуюся в долине: по холмам, заросшим низкорослым лиственничным лесом, по озёрам, покрытым пока ещё толстым слоем снега и льда, по шоссе, соединяющему Пригород с Городом.

«Да уж, – отметил про себя Лёха, – не успел приехать, а уже наследил на этой земле.»

За его спиной белыми волнами уходила за горизонт безлюдная горная страна, равная по площади где-то двум Франциям. На карте плотности населения такие районы выглядят обычно белым пятном. Да и в плане географии плато было почти не изучено. Только здесь, в районе Северного Города, велись кое-какие исследования. Лёхе-географу предстояло внести в них свою лепту, что само по себе было заманчиво. А в случае успеха – ещё и почётно...

– Видишь, начальник, как у нас погода меняется: вчера туман и сырость, а сегодня мороз и солнце, день чудесный, – объяснял Витька, – это ж Север, привыкай давай!

Мужчины защёлкнули крепления лыж и заскользили вниз по склону. Из Пригорода лыжников можно было разглядеть только в хороший бинокль. Если вообще кому-то до них было дело...

Витька ехал первым. Проезжал метров двести и останавливался, поджидая Лёху. Когда убедился, что инженер прилично стоит на лыжах, поехал вниз уже без остановок.

Сначала лыжникам сильно мешали заструги высотой чуть ли не по пояс (видимо, основные ветра здесь тянули поперёк склона). Через заструги можно было или перепрыгивать на ходу, или искать пути объезда по более ровному снегу. Что, впрочем, Витька, хорошо знакомый с этим склоном, и делал. Лёха поспевал за ним вполне успешно, хотя собака в рюкзаке мешала ему сполна получать удовольствие от спуска.

Нижняя часть склона была гораздо ровнее верхней. Её раскатали лыжники, да и находилась она в неглубокой ложбине, защищённой от сильных зимних ветров. Здесь уже Витька с Лёхой могли позволить себе спускаться быстрее. Ложась корпусом внутрь поворота, они пускали лыжи по плавной дуге, в конце которой, немного разгибая колени и уменьшая давление на лыжи, мягко входили в следующий вираж. Внизу всё же Лёха поотстал – рюкзак всё-таки мешал, да и лихачить на незнакомом склоне было не в его правилах. Витька поджидал его у лыжной базы.

– А ты, начальник, нормально рулишь, уж поверь старому тренеру. Ножки у тебя чётко работают. Только вот корпус я тебе, если хочешь, немного по-другому поставлю, попрямее.

Тебе ж самому легче станет. Много лишних движений делаешь... Ну, это я уже придираюсь! – расплылся Витька в своей «фирменной», кривой улыбке. Он, похоже, был доволен, что инженер у него шит не лыком.

Точно к началу рабочего дня лавинщики подходили к Экспедиции. Трезвый как стекло Михпетыч поджидал их уже давно.

– А, привет, мужики! – с места в карьер «поскакал» начальник. – Алексей, давай ко мне, Виктор – по плану.

Протиснувшись по коридору мимо рычащей Чары, Лёха сбросил вещи и собаку у себя в комнате и устремился «на ковёр», а словоохотливый Витька через метеостанцию пошёл в гараж поковыряться с «Бураном».

– Давай, Лексей, заходи, думу думать будем, – поднялся навстречу Михпетыч и указал на свободный стул. – Ты пойми, дело серьёзное. Я сейчас вкратце объясню. Заказчик наших работ – Комбинат. Он здесь царь и бог. Хорошо хоть, люди там умные сидят, и понимают, когда им толковые аргументы приводишь. Но они там, имей в виду, сугубые технари: металлурги, горняки, обогатители, короче, в нашей области ни в зуб ногой – ни в метеорологии, ни в гидрологии, ни в лавинах твоих... Им это не надо. У них производство. Пойми. Им лишь бы всё работало. А вот лавины твои, будь они не ладны, им сильно мешают. Саламыч – предшественник твой – говорил, что проблемы эти у Комбината на ровном месте возникли. Когда предприятия строили, ни о каких лавинах не думали. Ну, горняки они. Металлурги. Понимаешь?

Лёха кивнул.

– Так вот, – продолжал Михпетыч, – если бы у них тогда специалисты по лавинам были, свои промплощадки, газопроводы и железные дороги они бы немного иначе разместили. И проблем было бы на порядок меньше. Как Саламыч объяснял, лавины здесь не такие уж и большие, ну, сдвинь объект на сотню метров – и дело в шляпе, уже безопаснее будет. Ну, стеночку там защитную возведи, может... Ты пойми, я не лавинщик, я гидролог. Я только со слов Саламыча говорю. Разумеешь?

Лёха снова кивнул.

– Идём дальше. Что Комбинату нужно? Чтобы у них всё работало. Чтобы лавины им не мешали. Для этого они и вышли на нас, на нашу Экспедицию. А мы что? Мы всегда только гидрологией и метеорологией занимались...

– Это я уже понял, – перебил Лёха, не любивший длинных предисловий.

– Ты пойми, у нас сеть по всему полуострову: гидрологические посты, метеостанции, всё это мы курируем и поддерживаем в рабочем состоянии. Государство на это денег почти не даёт, существуем мы опять же благодаря Комбинату, Договорам на исследования, которые с ним заключаем.

Лёха внимательно слушал начальника и иногда кивал, уже «без команды». Пока ему было всё понятно и интересно.

– Жили мы, не тужили, пока не началась эта лавинная история. Рудник «Хребтовый», самый здесь глубокий, построили лет двенадцать назад, да так неудачно, что некоторые их стволы прямо на лавиноопасные участки попали. Теперь уж ничего не изменишь! В стройку миллиарды вложены. Раньше надо было думать... Вот и позвали Саламыча все это дело разруливать. Видный специалист был, по всей стране работал, даже военным помогал. Там они, кстати, с твоим Витькой и познакомились. Саламыч его потом сюда работать притащил. Ну, это я к слову. Сам Витька потом, может, расскажет. Так вот. О чём это я?

– Про рудник и Саламыча.

– Вот-вот. Тогда и появилась у нас в Экспедиции лавинная тема, и Договор новый появился, снеголавинный. Саламыч всё это тянул со своими архаровцами и обеспечивал. Комбинат тогда вроде бы успокоился: Договора подписывает, деньги платит – мы работаем. Всё в шоколаде.

– А что, при Саламыче и, правда, лавины не сходили? – попытался уточнить Лёха.

– Ну, нет, почему? Сходили. Только почему-то без жертв и почти без ущерба. У него всё как-то вовремя получалось: и склоны закрывать для лыжников, и горняков предупреждать об опасности, и туристов в тундру не пускать. Он как будто знал, где и когда лавина сойдёт. – Михпетыч посмотрел Лёхе прямо в глаза. – Представь! При нем даже пару раз «Хребтовый» останавливали. А это гигантские убытки! Если остановить рудник надолго – Комбинат по головке не погладит. Нужно четко в срок и на короткое время – как раз тогда, когда лавины могут сойти. Сошли они в предсказанное тобой время – ты на коне. А не сошли – ты под конём! Короче, высший пилотаж тут Саламыч показывал, так я понимаю...

– Как же Вы его отпустили?

– Удержишь его, пожалуй...

Михпетыч примолк и закручинился. Он потянулся к электрическому чайнику, стоящему на тумбочке, потом достал пару кружек, кофе и сахар.

– Вот так-то, Лексей. Ты должен Саламыча заменить. Иначе нам всем будет крышка. Из-за лавин Комбинат на нас сердчает. Твой Договор вообще не подписан, а уже май месяц на дворе; и гидрологи с метеорологами тоже лапу сосут. Ни на зарплату денег нету, ни на оборудование. Даже вон запчасти Григорьичу из «чёрной кассы» покупаю...

Разлили по чашкам кофе. Михпетыч положил себе три ложки с горкой, Лёха – одну.

– Надеюсь, тебя там, в Столице, хорошо научили?

– Я тоже на это надеюсь, – чистосердечно признался Лёха. Он уже начал понимать, какая ответственность ложится на его плечи. Медленно, но неотвратимо. Ответственность не только за сами лавины, их прогноз, но и за всю сеть гидрометеостанций на Полуострове. Лёха прекрасно понимал, как важно в науке постоянство наблюдений. Только имея длинный непрерывный ряд данных, ученые могут реконструировать природные условия прошлого, строить прогнозы на будущее, предсказывать погоду и поведение рек, ледников и даже вечной мерзлоты.

– Михал Петрович, я постараюсь. Вот только на всё это нужно время, и немалое. Как я понимаю, лавины уже скоро пойдут, а мне за это время ничего не успеть. Не только что-то новое придумать, а даже отчеты старые прочесть не успею... Вы только не подумайте, что я рисуюсь перед вами, соломку стараюсь подстелить. Дело-то сложное... Время надо, чтобы разобраться.

– Да понимаю, Лёш, понимаю. Только вот времени-то как раз и нет. Лавины лавинами. Хрен бы с ними. Но ты попробуй пока в Комбинате им зубы заговорить, пыль в глаза пустить, чтобы они хотя бы Договор подписали. Тогда мы все здесь в Экспедиции выиграем год времени, вздохнём полной грудью, а ты до следующей весны, до следующих лавин, успеешь придумать что-нибудь путное. Ну, в стиле Саламыча, – улыбнулся начальник.

«Да уж, – подумал Лёха, – попал, так попал. Один и между многих огней. С одной стороны Комбинат со своими рудниками и подразделениями, с другой – Экспедиция с сетью гидрометпостов, с третьей – сами лавины, которые надо как-то изучать и прогнозировать... Уж да уж... И как это “хрен с лавинами”? Я же ради них и приехал! А потом и люди могут быть в опасности, и рудники эти! Михпетыч, конечно, мужик хитрый, хочет моим телом пробоину в своём корабле заткнуть... Но понять его можно. Я же сам сюда приехал, по доброй воле, никто меня насильно не тащил. Вот и крутись, теперь, товарищ лавинщик!»

Лёхины размышления прервала Леночка-секретарь, влетевшая в кабинет без стука:

– Михал Петрович! Советание в Комбинате! Сегодня! В три! Вас просили быть обязательно! Сначала в отдел ТБ к двум тридцати, а потом у Генерального, к трём!

– Собирайся, Лексей, и ты поедешь, – сжёг мосты Михпетыч.

Глава 8. Комбинаторика

Каким-то чудом Марк Григорьевич за полтора дня, в одиночку, привёл экспедиционный УАЗик в порядок. Можно было в Управление Комбината ехать на нём. Михпетыч на правах начальника разместился в кабине, а Лёха – в салоне на откидной боковой скамейке. За Басмой присмотреть обещала «экспедиционная мамка» Маргарита Михайловна.

В дорогу Лёха взял с полки парочку отчётов Саламыча, касающихся ситуации на руднике «Хребтовом». Изготовлены они были еще дедовским способом, на пишущей машинке, с опечатками, замазанными белым «штрихом». В отчеты были вклеены черно-белые фотографии, напечатанные на пожелтевшей от времени и клея фотобумаге. Текст Лёха читать не смог (машину сильно трясло), а вот фото, карты и графики порассматривал.

Отчёты выглядели солидно, несмотря, на мягко говоря, несовременный внешний вид. Они начинались с детального физико-географического описания района, отдельно анализировалась погода за отчётный период, снежный покров в долине и на склонах гор различной экспозиции. Самая внушительная часть отчётов содержала сведения о лавинах – где, что, когда и при каких условиях случилось, с подробным описанием причин и последствий.

«Ну и классно, – обрадовался Лёха, – будет, с чего начать. Видать, Саламыч этот, и, правда, дельный мужик был. Уже легче. Вот только как он это всё без компьютера делал? Герой труда. Не иначе!»

Тем временем «буханка» уже рулила по Городу. Его центр показался Лёхе очень похожим на Северную Столицу: и архитектурой, и планировкой улиц. Слева от памятника Вождю была видна мечеть, немного дальше и правее – православный Храм. Примерно на равном удалении от них, на площади, располагалось здание Управления Комбината. Не хватало только синагоги.

УАЗик плавно затормозил у крыльца, Лёха и Михпетыч поднялись по ступеням, открыли тяжелые, похожие на университетские, двери и получили бумажки с печатями в бюро пропусков. Пройдя по лестницам и длинному плавно изгибающемуся коридору, Михпетыч постучался в тёмную массивную дверь начальника отдела ТБ. Сидевший за столом хмурый грузный мужчина даже не поднялся со стула. И уж тем более не протянул руки. Только показал, скорее, приказал, глазами – садитесь.

– Ну, Петрович, что скажешь позитивного? – глянул исподлобья грозный начальник.

– Да вот, Виктор Иванович, инженер снеголавинной группы позавчера из Москвы прилетел. Знакомьтесь – Ковалёв Алексей Геннадьевич. Штат теперь укомплектован полностью. Работы по Договору ведутся. И ещё лучше пойдут, будьте уверены, – отрапортовал Михпетыч.

Лёха, сам от себя не ожидая, привстал со стула и подобострастно поклонился – так его застрашали Комбинатом и Договором за последние дни. Получив от Виктора Ивановича колючий взгляд, Лёха опять уселся на краешек стула. «Весовые категории» были явно не в его пользу.

– Ну, инженер, что умеешь, что знаешь, докладывай! – сразу перейдя «на ты», приказал начальник.

Лёха, как сумел, кратко обрисовал ситуацию. Объяснил, что знает и умеет многое, научили, но выдать результат сразу не получится – чтобы войти в курс дела, нужно время. Прозвучало это (Лёха сам почувствовал) как-то не очень убедительно.

– Ты, Петрович, какого-то недоучку с «материка» привёз, – проговорил, не глядя на Лёху, Виктор Иванович, – и хочешь, чтобы я под это дело тебе Договор подмахнул? А где гарантии? Если, скажем, завтра на «Хребтовом» лавина ствол снесёт? А? Как я тогда буду выглядеть перед начальством? Что, мне на пенсию тогда собираться прикажешь? Или сухари сушить? Или твоего лавинного инженера под суд отдавать?

– Не надо никого под суд, Виктор Иванович, вы не думайте, что Алексей не справится, он справится, он же Университет окончил, и диплом у него «на отлично», – соврал Михпетыч.

– Знаем мы эти «университеты» – сейчас любая «шарага» университетом называется.

– Столичный Университет, простите, не «шарага»! – тихо, но твердо произнёс Лёха.

Начальник как-то сразу изменился в лице. Это название произвело на него большее впечатление, чем все слова, сказанные прежде.

– Университет, говоришь? Столичный? А факультет?

– Географический, кафедра гляциологии.

Виктор Иванович помолчал с полминуты.

– Ладно, юноша, поглядим, как вас там научили с лавинами бороться, – проговорил уже мягче начальник. – Через семь минут у Генерального в кабинете совещание. Идите, я поднимусь за вами.

Шагая по лестницам Управления вслед за Михпетычем, Лёха недоумевал. Почему же такой строгий начальник «купился» на его университетское прошлое? Знал бы этот Виктор Иванович, как там, в Универе, народ пил и гулял... Кое-кто, конечно, учился... Но Лёха-то был не из их числа! Ой, сильна, видать, в старшем поколении вера в главный вуз страны!.. Вот теперь еще одна ответственность на Лёхе – не уронить «марку» своего Университета. Ну, попал, так попал! Как кур в ошип! Или во щи!

В приёмной у Генерального толпились важные на Комбинате люди: начальники производств, подразделений, директора рудников, заводов, управлений, трестов, транспортных контор, командир горноспасателей при ведомственных погонах... Было заметно, что все они знакомы друг с другом очень давно – одни перешучивались и пересмеивались, другие мимоходом успевали решать текущие производственные вопросы. Комбинатовский народ держался просто, но с каким-то особым достоинством; в этих людях чувствовалась и сила, и характер, и смелость нести на своих плечах ответственность за судьбу огромного производства. Все ожидали приглашения войти.

– Ну, Лексей, первый раунд пока за тобой, держись, давай, и дальше! – шепнул Михпетыч.

Миловидная, но в годах, секретарша пригласила всех пройти в кабинет. Совещание у Генерального начиналось.

В кабинете размером с хорошую университетскую аудиторию размещался шикарный рабочий стол с диковинными средствами телефонной и селекторной связи и длинная столешница для совещаний с рядами стульев. Лёха с Михпетычем разместились в самом её конце. Вовремя подоспевший Виктор Иванович уселся примерно посередине. Все зашуршали бумагами, розданными секретарём. Лёха привычно включил диктофон, достал ручку, блокнот и приготовился писать конспект.

– Всем здравствуйте! – энергично начал Генеральный, худощавый энергичный человек с большим лбом, резкими чертами гладковыбритого лица и короткой стрижкой. – У нас на повестке дня лавины, которые сами знаете, где уже сидят. Давайте кратко по объектам: сколько снега, какова опасность и какие прогнозы.

Начальники и директора по очереди, кратко, почти по-военному отчитывались перед Генеральным по обстановке на своих объектах. В целом, технари хоть и путались в терминах, но высказывались очень дельно. Дошёл черед и до Виктора Ивановича:

– Кроме всего вышесказанного, Комбинат финансирует работы по исследованию снежных лавин, которые уже более одиннадцати лет ведет Пригородная гидрометеорологическая Экспедиция (здесь присутствуют ее представители), – Виктор Иванович указал раскрытой ладонью в сторону Лёхи и Михпетыча. – На днях вот подъехал молодой специалист, окончил Университет, по лавинной тематике. Мы с ним тут кратко переговорили, он заверяет, что всё будет с лавинами нормально, как и раньше, при прежнем инженере Нурисове. Тогда, если помните,

наш отдел этот вопрос закрыл полностью. Лавинных ЧП не было, все производства работали в штатном режиме...

Генеральный внимательно рассматривал лавинщика через длинный стол, пока Виктор Иваныч расписывал былые «заслуги» своего отдела ТБ. Наконец, Генеральный предоставил слово Лёхе. Того сразу же бросило в жар – как-никак окружавшие его люди были старше минимум вдвое, а уж про их трудовые заслуги и вес в обществе можно было, наверное, слагать легенды. Распрямив дрожащие колени, Лёха каким-то чудом поднялся.

– Исследования снеголавинного режима данной территории, – он постарался начать уверенно, как на защите диплома, – связаны с необходимостью детального статистического анализа собранных за одиннадцать лет данных. Причем как метеорологических, так и особых, касающихся специфики залегания и метаморфизма снежного покрова. Кроме этого, требует пристального внимания изучение характера подстилающей поверхности, микро- и мезорельефа лавиносборов, создание «три-дэ» моделей опасных участков с выходом на математические методики прогнозирования лавинной опасности...

Лёху откровенно понесло... Как Остапа... Видать, от испуга... Некоторые слова, которые произносил Лёха, были малопонятны даже ему самому, а уж окружающим технарям – тем более. Хотя, конечно, звучали они весьма убедительно и даже научнообразно.

– А суть-то в чём? – внимательно выслушав, перепросил Генеральный. – Когда от вас ждать качественный прогноз лавинной опасности по району?

– Прямо сейчас не смогу, – слегка опешив, честно признался Лёха, – я только что приехал. Нужно время, чтобы войти в курс дела... Думаю, несколько месяцев. Всё объехать, посмотреть, изучить, потом «забить» данные в компьютер, – Лёха уже успокоился и заговорил обычным человеческим языком, – посчитать, подумать, книжки полистать. Думаю, уже через год смогу прогнозировать лавины с большой точностью... Обещаю!.. Честное слово...

Все переглянулись. Лёха сам не знал, зачем он ляпнул такие слова, детский сад, блин, подготовительная группа. Но это, на удивление, сработало. Начальники заулыбались.

– Ну что ж, молодой человек, охотно верим, – произнёс Генеральный. Потом краешками губ улыбнулся, окинул взглядом присутствующих и добавил: – У нас ведь нет других вариантов, правда, коллеги?

Напряжение спало, все немного расслабились, и Лёха совсем осмелел:

– Есть одна проблема, если позволите. Договор наш на снеголавинные изыскания до сих пор не подписан...

– Неужели?! – изумился Генеральный. – Виктор Иваныч, что за дела?

– Штат у них был не укомплектован, прогноза лавинной опасности не было...

– Исправь ситуацию, Иваныч, надо, чтобы люди спокойно работали, – распорядился Генеральный. – А вы, молодой человек, – обратился он к Лёхе, – входите побыстрее в курс дела, знакомьтесь с людьми, и ждём от вас результата. Не через год. А, желательно, уже в этом сезоне!

И разговор пошел о деталях – как защищать от лавин конкретные объекты и промплощадки, как действовать в случае ЧП.

– Два ноль в твою пользу, – пихнул Лёху в бок локтем Михпетыч, – с меня причитается!

Глава 9. День варения

На обратном пути Михпетыч с Лёхой ехали вместе в салоне «буханки».

– Ты пойми, – учил он, – наука наукой, а на Комбинате многое решают личные отношения. Ты вот сейчас хвост-то Виктору Иванычу накрутил (оно и правильно), а он потом тебе это припомнит. Или уважать начнёт. Одно из двух. Но он пешка, хоть ферзя из себя строит. Он мало чего решает. На Комбинате металлурги и горняки продукт дают, вот их слушай и уважай! Нормальные мужики. Я тебя потом на рудник под землю свожу, посмотришь, как там всё по-взрослому устроено. Ну, короче, ты понял. А по объектам лавиноопасным, я тебе все контакты дам, и директоров, и главных инженеров, и диспетчеров. Ну, чтобы прямая связь у тебя с ними была. И, пойми, – живое общение! Только оно! С людьми разговаривать надо. Общаться. Особенно в твоей области. Сойдет лавина или не сойдёт, почему, когда, почём – им всё это объяснять надо. Разжёвывать. Ответственность-то на них огромная: рудник, скажем, остановить – убытки. Бешеные. Остороженько надо и с умом... Но ты, брат, не думай, под суд тебя вряд ли, ты же ведь не комбинатовский работник. Мы, типа, у них – совещательный орган... А решают-то они всё равно сами. Хотя, всякое может быть. Может и до суда дойти... Смотря что случится. Хотя вряд ли. Так что ты уж давай, брат, работай с ними, общайся! Начальники это любят! А то, может, общие интересы у тебя с кем-то из начальников найдутся – лыжи там горные или рыбалка... Там уж сам смотри, не зевай. Личные отношения – они всегда помогут, коль чего...

Дорога пролетела незаметно. В Экспедиции Лёху встречала запертая в комнате Басма. Чара, порыкивая, ходила возле её двери. Витька ковырялся в гараже. Второй в карьере рабочий день подходил к концу.

После работы Витька повез Лёху знакомиться с новым жильём. Это была Ванькина «гостинка»: комната на двенадцать «квадратов», прихожая и санузел. Не очень опрятная, с клопами и тараканами, но жить было можно.

– Сейчас Ваня со своей в разводе, – пояснил Витька. – У них всегда так: то сойдутся, то разбегутся, как челночок в швейной машинке – туда-сюда. Взбалмошная у него бабёнка. И Ваня, конечно, не подарок. Но я его уважаю. Мужик добрый. Короче, живи, пока Ванька с Горы не спустится, а там посмотрим.

– Вить, а денег у тебя можно занять? До получки? – попросил Лёха.

– Не вопрос! Сколько?

Сбегав в магазин за едой себе и Басме, Лёха засел за отчёты, которые прихватил с собой. Теперь он наконец-то мог спокойно почитать и подумать. Остаток вечера ушёл на беглое знакомство с лавиноопасными участками – пока что по фотографиям, картам и описаниям. Разобраться в них Лёхе было нетрудно, географию района он вы зубрил еще в Столице. С каждым часом у Лёхи крепло уважение к Асану Саламовичу, который весьма профессионально и педантично подходил к своему делу.

Наскоро погуляв с собакой, Лёха завалился спать ближе к утру... А в восемь пятнадцать (не успев толком проснуться и позавтракать) он уже сидел в «буханке», собиравшей по адресам Лёхиных коллег. Дамочкам топать два километра до Экспедиции было лениво, вот и совершал Григорыч геройские пассажирские рейсы в Пригород каждый рабочий день, утром и вечером. Если, конечно, «буханка» была в порядке... Подобрали и Витьку на его микрорайоне...

Экспедиция гудела, как пчелиный рой. На вечер намечалось торжество – день рождения Леночки. Уже с утра барышни суетились в районе кухни-столовой. А Чара с грустными глазами лежала возле них, ожидая с «барского» стола деликатесов.

Михпетыч распорядился выдать Лёхе из «черной кассы» небольшой аванс. Половина его тут же ушла в счёт Леночкиного подарка и уплаты долга. Пока дамы копошились на кухне, Лёха с Витькой, подрядив Григорьича, уехали на осмотр лавиноопасных участков. Начали, ясное дело, с рудника «Хребтовый».

Погода «шептала» – стоял лёгкий морозец при ясном небе. Окрестные горы нависали белыми декорациями. Казалось, до них можно было дотянуться рукой и даже раздвинуть, как занавес. Лёхе всегда почему-то хотелось заглянуть дальше: за гору, за перевал, за горизонт. Может, поэтому он и стал географом.

Лёхина главная лавина висела над «Хребтовым» монументально. Глубокая ложбина на склоне, в которой скапливались за зиму десятки тысяч тонн снега, была нацелена, словно ствол пушки, точно на промплощадку. Сразу вспомнились слова Асана Саламовича о неудачном выборе места строительства. «Да уж, – подумал Лёха, – надо было умудриться так построить рудник! Будто враг какой нашептал. Кругом ровная тундра, строй – не хочу. Видать, горняки где нашли рудное тело, там и начали копать. А о последствиях не подумали...»

Ясная погода и чистейший воздух скрадывали расстояние. Однако, топая до верха ложбины здесь, судя по перепаду высот, пришлось бы не менее получаса. Решили никуда не лазить, поскольку всё было видно снизу. Лавинами пока что «не пахло».

– Вить, надо бы метеобудку поставить. Только не здесь, а там, наверху. Где лавина образуется. И осадкомер бы неплохо, – подумал вслух Лёха.

– И чего, четыре раза в день туда бегать? Или жить там прикажешь?

– Да нет, ты чего перепугался? Термограф поставим, недельный. У нас такой на леднике был, очень удобно. Пару раз в неделю подойдёшь, чернила в перо заправишь и «засечку» на ленте сделаешь. Вот только надо туда будку как-то затащить...

– Снегоходом только. Если, конечно, лишняя будка у Михпетыча найдётся. И термограф твой...

– А щупы снегомерные у вас есть?

– Есть, на два пятьдесят и на три пятьдесят.

– И все??? Здесь же снегу, судя по отчётам, от восьми до двенадцати метров!

– Чего нет, того нет, – криво улыбнулся Витька, – Саламыч нас тут не заставлял снегомерки делать. А в долине щупа в три с половиной метра на наших маршрутах в любой год хватает.

– Ну ладно, разберёмся потом, – согласился с Асаном Саламовичем (но не с Витькой) Лёха.

– Разберёмся, только после «дэрэ», ладно, Лёх? Там барышни нас заждались. Стол накрыли. Поедем, может?

Лёха, промолчав, пошел фотографировать участок с разных точек, сориентировал по сторонам света крупномасштабный план участка из отчета, просмотрел фото лавин разных лет (от линий отрыва до конусов выноса) и попросил Григорьича ехать дальше на следующий объект. Витька сник и поскучнел.

Мельком осмотрев еще два опасных склона, где лавины были не такие крупные и сходили не ежегодно, лавинщики всё же прибыли к праздничному столу.

– Иван, а ты как здесь оказался? – возмутился Лёха. – Ты же должен быть на Горе?

– Не ругайся начальник, у меня между «сроками» шесть часов, стало быть, еще четыре с половиной часа до очередного осталось. Всё успею, всё сделаю. И шурф я вчера выкопал, и снегомерку сделал. Не ругайся. Я на лыжах спустился, а обратно на «Буране» поднимусь.

– Ты с ними, Лексей, давай, построже, – посоветовал Михпетыч. – Они живо тебе на шею съдут. А ты Иван, смотри, чтобы в последний раз!

– Да я ж только Леночку поздравить! – вроде как «отмазался» Ваня.

Веселье пошло и поехало. Красотка Лена была «в самом соку», справляла тридцати-с-небольшим-летие. Стол ломился. Михпетыч притащил из Пригорода огромный букет цветов и подарок – что-то из золота в красном бархатном футляре.

Праздник удался на славу. Мужики и дамы пили много. Трезвыми сидели только язвенник Григорыч и молодой инженер-гидролог Сережа. После шестого тоста Михпетыч принялся нахваливать Лёху и его «подвиги» на Комбинате. Первые деньги по снеголавинному Договору должны были поступить уже к концу недели. Это известие было встречено бурными овациями, и седьмой тост был поднят за Лёху.

Произнося ответный восьмой тост, Лёха слегка запинаясь и путаясь в мыслях. Но всё же сформулировал, что ему очень приятно работать в таком дружном коллективе, и что он сделает всё возможное... чтобы... (Лёха долго подбирал слова) ...чтобы всё было хорошо!

После тоста этак десятого вышли «покурить». Именинница Леночка потащила Лёху в свой кабинет и навалилась спиной на дверь изнутри:

– У меня мужик в отпуске, пойдём седня ко мне? – и она прижалась к Лёхе всеми своими горячими формами, прикрытыми лишь тонким крепдешинным платьем. – Ты ведь один приехал? И я пока одна... Выпить найдем и закусить... – И она, томно мурлыкнув, мягко просунула колено Лёхе между ног и зажмурилась в ожидании поцелуя. В себе Леночка была уверена «на все сто». Надо сказать, основания у неё для этого имелись.

Лёха явно не ожидал такого поворота событий. В его планы общение с замужней, пусть и прекрасной, женщиной не входило.

– Я бы рад, Лена... но... у меня собака! – не сразу нашёлся Лёха.

– И её возьмём, – продолжала мурлыкать Леночка, – я животных люблю.

– И, это... – Лёха судорожно выдумывал другую причину отказа, – это... я с Ваней договорился... его на Гору на снегоходе проводить. Как он один поедет? Выпивши? Безопасность и всё такое. Я его одного не отпущу.

Помурлыкав еще пару минут и исчерпав все свои женские аргументы, Леночка потеряла к Лёхе интерес и пошла догуливать праздник.

А протрезвевший и ошалевший Лёха принялся помаленьку вытягивать Ваньку из-за стола.

– Ща, начальник, еще полчаса! Заправлюсь только и поеду!

Лёха не понял, какую «заправку» имел в виду Ваня, но из вежливости присоединился ненадолго к общему столу. Что ему оставалось делать? В коллективе без году неделя.

...Через сорок минут Лёха понял, что его «отмазка» перед Леночкой превратилась в чистую правду, и Ваньку в таком состоянии одного отпустить на Гору никак нельзя. Через пятьдесят минут он твердо сказал Ване, что поедет один.

– Ща, начальник, только Басму с Чарой угощу.

...И только через час, после вмешательства Михпетыча, не совсем трезвый Лёха и совсем нетрезвый Ванька вместе оседлали экспедиционный «Буран». Времени до «срока» оставалось всего ничего. По куску фруктово-коньячного торта им обещали оставить в холодильнике.

Глава 10. Засада

Лёха, уже привычно, запихал бедолагу Басму в заплечный рюкзак, а Ванька взгромоздился за руль снегохода.

– Рукавицы не забыл?

– В кармане.

– Надень.

– Жарко. Я к своим тридцати шести сорок добавил.

– Надень, говорю. Руки отморозишь.

Миновав расчищенные бульдозером дороги, с трудом разминувшись со встречным КАМАЗом, лавинщики перевалили через снежный бруствер обочины и взяли курс на долину горной реки. Поднимались обычно по ней, объезжая Гору по большому кругу через соседний распадок.

Обычно лавинщики, когда поднимались вдвоём, одного человека сажали в сани или ставили на лыжи. Снегоходу так было легче. Но сейчас было не до этого.

По долине реки прошли легко. Километра через два начался затяжной подъём. Стало ясно, что двух седоков снегоход не вывезет. Уже в первой трети подъёма Лёха спрыгнул и попробовал бежать рядом. Сначала это ему удавалось – «Буран» полз в гору еле-еле. Но метров через триста склон стал выполаживаться, и Ванька поехал быстрее. Ну а Лёха, естественно, выдохся. Попробуй-ка ломиться в гору в зимней одежде, да ещё после застолья!

Когда Лёха выбрался, уже шагом, за перегиб склона, Ваньки нигде не было. «Что за дела! – опешил Лёха. – Как сквозь землю провалился. Пропал на ровном месте. Не инопланетяне же его утащили!»

Лёха пустил Басму на снег и поглядел на часы: до «срока» оставалось четырнадцать минут. Следов «Бурана» не наблюдалось. «Вот пьяный дятел, долетался», – ругнул себя Лёха. Пришлось возвращаться назад, на поиски следа. Сумерки перекрасили всё вокруг – снег и даже небо – в тусклый серый цвет. На душе у Лёхи тоже стало серовато.

Следы «Бурана» нашлись ниже по склону, хотя на твердом насте они были едва различимы. Лёха шёл теперь строго по ним. Стало ясно, что Ванька решил забрать правее, ближе к борту долины. Может, сокращал путь, а, может, уменьшал крутизну подъёма. Басма, найдя след, иноходью скакала точно по нему.

Метров через двести Лёха начал догадываться, в чём может быть дело. След теперь шёл вдоль снежных карманов – глубоченных ям, выдутых ветром вдоль долины ручья. Еще через сто метров показался и «Буран», лежащий на дне очередной ямы кверху гусеницами. Рядом на снегу сидел Ванька и ржал над самим собой. Расколовшееся натрое лобовое стекло валялось рядом. «Живой, пронесло...» – выдохнул Лёха.

– Прости, начальник, раздолбая, – сквозь гомерический хохот каялся Ванька. – Лихо же я навернулся! Сто раз ездил, знаю, что тут ямы каждый год выдувает, а всё равно же влетел. Ты бы видел, какое я сальто крутанул, чтобы под «Бураном» не оказаться! А то он триста кило весит, только бы мокрое место осталось...

– Ты, гимнаст, знаешь сколько сейчас времени? – начал заводиться Лёха.

– Сколько?

– Четыре минуты до «срока»!

– Успеем! Срок считается от минус пятнадцати минут до плюс пятнадцати. Значит, еще девятнадцать! – заплетающимся языком выдал Ванька «умную» мысль и попробовал подняться. – Ой, ё, – и снова осел на снег. – Да, начальник, я, похоже, отъездился.

– И отбегался.

Изучив Ванькино повреждение, лавинщики поняли, что перелома, скорее всего, нет. И коленка, и голеностоп с трудом, но двигались.

– Лёш, вот тебе блокнот и карандаш. Иди, давай, наверх, снимай «срок», – командовал, как записной начальник, Ванька. – Ты уже всё знаешь, я тебе только не показал, как анемометр работает. Не забудь ведро на осадкомере поменять. Оно у входа стоит, под батареей. Там всё открыто. Ты беги, а я покопаю пока маленько лопаткой. Большую потом захвати, совковую, когда меня выручать придёшь. Без лопат мы отсюда «Буран» не вытащим.

– Ты уверен, что я тебя выручать приду, после того, что ты сегодня натворил?

– Конечно, уверен. Ты ж не бросишь коллегу. Лопата при входе стоит.

Лёха с Басмой поняли ход Ванькиных мыслей, спорить не стали и, не теряя времени, вприпрыжку понеслись наверх. Заблудиться было сложно: ориентир – вершина Горы с конечной станцией кресельного подъёмника – даже в белой ночи был хорошо виден на фоне неба. «А если туман, как три дня назад? – вспомнил Лёха. – Тогда вообще заблудишься. Надо будет здесь, что ли, вешки поставить...»

За две минуты до окончания «срока» взмокший как мышь Лёха взбирался по ступеням метеобудки. Маленькая Басма с языком на плече тоже почти не отстала.

Путь вниз дался им проще. Лёха опасался в сумерках промахнуться мимо Ванькиной ямы. На белом пологом склоне размерами «километр на два» вообще не было никаких ориентиров. Если «Буран» на твердом снегу следы оставлял, то человечьи и щенячьи следы разглядеть было невозможно. Снег был как камень. Лёха решил держаться поближе к левой стороне долины, где по рельефу угадывалось верховье ручья. Где-то ниже должны были начаться злополучные ямы. Так и есть – Басма, забежавшая вперед метров на сто, первой почуяла Ваньку и радостно затыкала. Лаем пока это назвать было трудно, но видно было, что она очень старалась.

Когда Лёха доплёлся до ямы, собака и человек обнимались. Хотя Басма, чуя запах спиртного, активно воротила от Ваньки нос.

– Блин, Лёха, «Буран» надо было сразу перевернуть. Я пытался один, да не смог. Прости инвалида.

Двоем мужики живо поставили снегоход на гусеницы. Под ним снег был совсем желтый от вытекшего из бака бензина. Лёха снял капот и внимательно изучил «окрестности» коробки реверса.

– Ну, масло не убежало, похоже, и то хорошо!

Мужики принялись долбить лопатами «железобетонный» снег на нижнем краю ямы, чтобы организовать выезд. Ванька – лежа на боку, а Лёха – на своих двоих. Переместив кубометра четыре снега и прикончив одну из лопат, лавинщики принялись заводить мотор.

– У, зараза, – ругался, дергая за ручку стартера не вполне протрезвевший Ванька.

– Ты бензин-то подкачай, – посоветовал, вспомнив молодость, Лёха, – и кнопку на карбюраторе нажми.

– И то, правда, – согласился Ванька, неистово заработав резиновой грушей.

Карбюратор наполнился бензином, и «Буран» с грехом пополам завёлся. Бензин вытек не весь.

– С тебя стекло и полный бак бензина! – строго наказал Лёха.

– Есть, сэр!

– И набор гаечных ключей нам на долгую память.

– Это уже перебор, шеф!

– Асан Саламыч тебя бы вообще прикончил.

– Не, он добрый был!

Пока Ванька на карачках выползал наверх, Лёха неумело поёрзал на снегоходе по дну ямы назад и вперёд, нацеливая его точно на подготовленный выезд. С третьего раза ему удалось

выскочить на ровный снег, ценой, правда, еще одного переворота. «Одноногий» Ванька был ему в этом вопросе не помощник.

– Ну, вот и славненько, – вещал Ваня, пряча усталую Басму в рюкзак и усаживаясь на «Буран» сзади. Наступила его очередь быть пассажиром. Вместо руля в руках у Ваньки было теперь отвалившееся лобовое стекло.

– Иван, блин, – начал раздражаться Лёха, – давай Басму мне на грудь. Навернётся спиной – и конец собаке!

– Твоя правда, начальник, – отозвался теперь уже послушный Ванька, чувствуя, что напортачил за сегодняшний день изрядно.

По знакомому маршруту, но не в лоб, а по плавной дуге, Лёха выехал на вершину. Записали снятые показания в журнал, включили анеморумбометр. Ваня пощёлкал тумблерами, показывая начальнику, как работает аппарат. Стали думать, как жить дальше.

– Ты вот что, Иван, скажи, – прямо спросил Лёха, – Я только приехал, а уже такие дела: ты сдуру травмировался, Витька работать не хочет, ему банкет в Экспедиции важнее... Вы же мне какую лапшу на уши вешали? «Помогать тебе будем во всём!» Понимаю, я молодой, а вы старше, и работали много без меня... Но порядок-то быть должен? Как с вами Асан Саламович управлялся?

Трезвеющий Ванька изобразил на лице раскаяние и работу мысли, подумал и после паузы изрёк:

– Знаешь, Лёш, а он и не управлялся. Как-то так дело поставил, что мы его слушались без лишних разговоров. Вот и вся его философия. Всё его руководство.

– Авторитетом вас задавил что ли?

– Может, и так. А ещё он мягкий был и вежливый. Но настойчивый. Такому не откажешь. Помолчали.

– Давай чай, что ли, пить, скоро утро, – на правах «хозяина» предложил Ванька. – Меня сегодня Витька должен сменить. Может, ты на «Буране» за ним сгоняешь? Бензин в канистре есть. Заправься. Я на ногу наступить не могу... Ты уж не обижайся, начальник, я потом отработаю, после больничного.

Лёха оттаял и теперь уже по-братски жалел своего незадачливого сотрудника:

– Конечно, сгоняю, мне ж в охотку, только я на «Буране»-то не очень умею, если честно. И без стекла ехать «не айс». Может, у тебя очки горнолыжные найдутся?

– Да, вот, забирай, хоть насовсем. Только Басму мне оставь, пускай животинка отдохнёт, набегалась вчера, маленькая ведь ещё!

На том и порешили. Поспав часа четыре, Лёха утром аккуратненько и без приключений добрался до Экспедиции. В тёплом гараже они с Витькой зашили леской и поставили на место лобовое стекло; заварили сломанную лопату, прикрепив её к снегоходу на хомутах, которые тут же смастерил рукастый Витька. Достали из-под снега сани, отличавшиеся от обычных тем, что к ним задом наперед был приварен железный стул.

– Так лучше, снег в лицо не летит из-под гусениц, – пояснил Витька.

Смена вахты на Горе и транспортировка в травмпункт хромого Ваньки затянулась до самого вечера. «Что за фигня? – печалился про себя Лёха, – время-то уходит. И когда мне наукой заниматься? То одно, то другое... А лавины со дня на день пойдут! Что я на Комбинате рассказывать буду? Как Ваньку из ямы вытаскивал и Леночкин день рождения отмечал? Вот, засада...»

Ваню всё же загипсовали (сказали, что сильное растяжение) и выдали напрокат два костыля. В «гостинку» лавинщики попали в половине первого ночи. Засесть за отчёты у Лёхи совсем уже не осталось сил. Но впереди было два выходных – и это радовало.

Мышцы гудели как в детстве, когда тренер давал первую нагрузку после долгих каникул.

Глава 11. Гранит науки

Субботним утром Лёха сбежал от Ваньки на работу. Надо было побыть одному, внимательно почитать отчёты и обмозговать план дальнейших действий. Ванька с Витькой в таких делах были ему не подмога. Или даже помеха.

Как Лёха ни крепился, на него снова накатила хандра. Пока он барахтался в водовороте новых встреч и событий, было полегче. Но как только срочные дела отступили, вернулось внутреннее беспокойство, ощущение собственной немощи и абсурдности бытия. Опять стало пусто и одиноко.

– Что, Алексей, дома не сидится? Нашёл бы себе девушку хорошую, – подначила Лёху дежурная по метеостанции Руслана. – На работу в выходные пришёл. Непорядок!

– Потом отдохну, – отвечал Лёха, – когда с лавинами немного разберусь.

В кабинете лавинщиков было неуютно: обшарпанные стены и полы, вечно падающая с потолка штукатурка, допотопная мебель и старинный компьютер. Лёха вытащил на стол стопку отчётов и засел за работу.

«Спусковой механизм» схода весенних лавин ему был понятен: в снегу появлялась вода и подмывала снежную толщу. В какой-то момент времени снежно-водяная каша теряла устойчивость и соскальзывала вниз. По пути она захватывала новые массы талого снега и воды, достигая иногда огромных объёмов и больших скоростей.

Короче, Лёхе в срочном порядке надо было научиться угадывать этот самый момент: когда мирно лежащая на склоне снежная толща вдруг превращается в разъярённого зверя, готового снести всё на своём пути.

Но как с этим справлялся Саламыч? Неужели у него была какая-то особая формула для прогноза лавин? Компьютером он не владел. Лёха знал это точно. Обработать на калькуляторе огромные массивы данных было невозможно. Лёха терялся в догадках, лихорадочно перелистывая отчёты своего предшественника и выискивая в них хоть какие-то следы методики прогноза лавин.

... Утром воскресного дня на вахту заступила сторож Никаноровна.

– Тебе комнату-то так и не дали? Разве ж так можно? Инженер из Столицы приехал, а жить ему где? Ну, я этому-то Петровичу скажу! Разве ж это по-людски?

Лёха постарался побыстрее отделаться от сердобольной Никаноровны и снова погрузился в работу. Ему было ясно, что для прогноза лавин нужно следить за температурой снега и за наличием в нём воды. Но в этом-то была главная загвоздка. Как измеришь температуру? Десятиметровый шурф (с трёхэтажный дом) в лавиносборе не выкопаешь: тяжело, глубоко и, главное, очень опасно. А будешь копать где-то в другом месте – не получишь правдивые данные.

Остаётся что? Метеорология! Только она одна могла спасти Лёхину репутацию, а, может, и голову.

Многолетние данные о погоде накоплены, время схода лавин известно. Осталось только вывести формулу зависимости одного от другого! Вывел – и пользуйся. Сиди себе в тепле на метеостанции, подставляй данные в формулу и предсказывай лавины! Тишь да благодать!

Лёха в общих чертах представлял себе метод дискриминантного анализа, с помощью которого можно будет вывести заветную формулу. Но на обработку огромного массива данных нужно время – дай-то Бог успеть к следующему сезону. Но как быть этой весной?

Лёха решил пока действовать по-простому: выписать в электронную таблицу только те данные, которые касались схода самых больших лавин последних лет (эту работу можно сделать за несколько дней) и для наглядности нарисовать графики и диаграммы. А по ним уже

сопоставить текущую ситуацию с прошедшими годами и сделать приблизительный прогноз лавинной опасности. «На безрыбье» такой вариант должен был сработать.

«Ну, хоть что-то! – повеселел Лёха, – главное – двигаться вперед, а там будь, что будет!»

Следующие дни ушли на ввод метеоданных в электронную таблицу. Лёхе казалось, что его пальцы уже стёрлись на целую фалангу. Благодаря монотонной работе «лишние» мысли о несовершенстве окружающего мира и «горемычной» собственной судьбе уже не приходили.

Погода за окном безумствовала: то поднимался ветер, принося мокрый снег и дождь, то выглядывало на несколько часов солнце, то накрывал штиль с туманными ночами. Дело явно шло к потеплению.

Началось снеготаяние. Нулевая изотерма, за поведением которой так внимательно следил Лёха, захватывала всё новые и новые слои. Скоро и весь снег в долине прогрелся и пропитался влагой, а ледяные кристаллы в нём заметно укрупнились и приобрели округлую форму. «Чисто шарики-подшипники», – иронизировал Лёха.

Ванька был на больничном, Витька – на Горе. Лёхе приходилось напрягаться, чтобы успевать везде: копать шурфы, мотаться по району, наблюдая опасные участки, общаться с комбинатовским и рудничным начальством. А по вечерам «забывать» свежие данные о погоде и снеге в компьютер.

Нулевая изотерма появилась и у Витьки на Горе. Её наступление шло сразу по двум фронтам: сверху (от тёплого воздуха и дождей) и снизу (от каменистой почвы, прогретой сквозь снег солнечной радиацией). Этим картина снеготаяния усложнялась ещё больше.

... Тепло в этом году на Север приходило не быстро, а как бы накатывало волнами. Погода менялась часто, но резких оттепелей пока не случалось. Их-то как раз и боялся Лёха. А ещё он боялся дождей. Но эта весна будто бы щадила Лёхины нервы.

В один из дней, инспектируя опасные участки, Лёха в снегу обнаружил трещины. Там, где обычно происходил отрыв лавин в прошлые годы. В отчётах он тоже читал об этом. Иной раз трещины говорили о том, что напряжение в снежной толще исчезло, и опасности уже нет; а в другой год как раз по ним после дождей отрывалась лавина.

Лёхина нервная система была на пределе. Сойдёт – не сойдёт? Орел или решка? Впору было бросать монету. Или ставить свечки всем святым.

Каждый день Лёху донимало начальство. Оно тоже смотрело в бинокль на трещины в снегу. И, конечно, боялось. За людей и свои кресла.

Однажды, сам не ожидая от себя, Лёха заглянул в храм. Благо, тот был рядом с Управлением Комбината. Лёха не знал, как надо вести себя в церкви, ему просто хотелось войти и постоять в уголочке. Шла какая-то служба.

– О Богохранимем стране нашей, властех и воинстве ея, Господу помолимся, – громко нараспев тянул священник.

– Господи, помилуй, – подхватывал хор, состоящий в основном из женских высоких голосов.

Хотя не все слова были понятны Лёхе, общий смысл происходящего он улавливал. Дама на высоких каблуках, накинув капюшон модной шубки на голову, ставила свечки рядом с Лёхой. На всякий случай он подсмотрел, как это делается. Проскользнув к свечной лавке при входе, Лёха попросил у бабули самую толстую свечу и поинтересовался, к какой иконе ее лучше поставить, чтобы помогла в работе.

– Да ты, милоч, не ту свечу просишь. Эта в алтарь ставится. Давай я тебе лучше простых свечек дам.

– Так куда их лучше поставить?

– Ты не иконе свечку ставь, а Богу. И проси святого за тебя помолиться. Сам решай, кто тебе ближе.

– Так я же никого не знаю.

– Не беда. Жития святых почитай, подумай. Тогда и поймёшь, к кому у тебя сердце лежит. Но имей в виду, что чудеса не святые совершают, а Господь Бог. Святые только за нас помолиться могут.

Лёха мало что понимал в этой непривычной терминологии и системе координат. С икон на него взирали десятки глаз: и строгих, и добрых, и бесконечно грустных. Несколько женских голосов на разные лады выводили «Господи, помилуй!». Лёха не знал, как называется это многоголосье, но звучало очень красиво. Он выбрал подсвечник в самом углу, чтобы никому не мешать – служба-то была в самом разгаре. Там, в стороне, с иконы на него внимательно посматривал святитель Николай.

...Погода Лёху пока радовала. Осадков не было, а туманы потихоньку «съедали» снег. Лавины могли и не сойти вовсе.

Несмотря на Лёхины доводы, начальство пребывало в тихой панике. Его можно было понять: над «Хребтовым», «Гравийным», дорогами, трубопроводами и промплощадками нависали десятки тысяч тонн непонятного им и враждебного снега.

И вот напряжение достигло предела. Лёху вызвали на рудник «Хребтовый». В кабинете Директора рудника Олега Митрофаныча Загорского собралось всё горняцкое и комбинатовское руководство. Ждали только Генерального.

– Ситуация очень сложная, коллеги, – начал он, – вы помните ситуации трёх последних лет. Помните две лавины, ущерб от которых составил сотни миллионов рублей. Сейчас под угрозой находится вся энергосистема рудника, лавина висит прямо над подающей подстанцией. Зацепить может и скиповой ствол, и вентиляционный. В многоснежные годы, как я понимаю, возможны сходы и более крупных лавин. Так что для начала предлагаю заслушать нашего инженера-лавинщика.

Лёха поднялся со стула:

– Этот сезон, как показывают собранные данные, хотя и многоснежный, но не такой опасный, как предыдущие. Все дело в темпах потепления и снеготаяния. В этом году оно идёт плавно, без резких перепадов температуры. Нет и значительных осадков. В этих условиях метаморфизм снежного покрова происходит постепенно, тепло и влага проникают в него медленно, не ослабляя снежную толщу, а, напротив, способствуя ее уплотнению, упрочнению, оседанию и таянию. Кстати, об этом же свидетельствуют и трещины, появившиеся в лавиносборе, под которым мы с вами сейчас находимся.

– Молодой человек, а Вы точно уверены, что не шарахнет? Если не ошибаюсь, Вы здесь без году неделя, – съязвил Виктор Иваныч из отдела ТБ.

– Я уверен, что лавина на промплощадку не сойдёт. По крайней мере, сейчас, сегодня. Метеопрогноз на ближайшие дни тоже благоприятный. Думаю, в ближайшее время снег ещё больше уплотнится, и опасность схода лавин исчезнет полностью.

– Вы отвечаете за свои слова? Письменное заключение дадите? – не унимался Виктор Иваныч.

– Дам, – выдохнул Лёха.

Слово взял директор рудника, Олег Митрофаныч.

– Всё это хорошо. Но безопасность производства не должна зависеть только от слов и подписи инженера лавинной службы. При всём к нему уважении. – Митрофаныч сделал выразительную паузу и по-отечески поглядел на Лёху. – Ты, Виктор Иваныч, конечно, прав... Но доверять специалистам необходимо. Поскольку «цена вопроса» чрезвычайно высока, предлагаю компромиссный вариант. Давайте расстреляем лавину из пушки.

Все присутствующие, как по команде, дружно повернули головы в сторону Олега Митрофаныча.

Глава 12. Перспективы

– А что, – продолжил директор рудника, – мы с командиром артиллерийского полка хорошо знакомы, вместе на рыбалку ездим. У них стрельбы постоянно идут. Какая им разница, где пальнуть? Я командиру позвоню, и после обеда пушка будет на нашей позиции. К этому времени мы остановим рудник и выведем людей. Немного постреляем в лавину и поймём, прав наш молодой лавинщик или нет?

Совещание загудело. Было видно, что идея с пушкой понравилась.

– Хорошо, а кто будет оплачивать услуги артиллеристов? – поднялась с места серьёзная дама в очках, экономист или бухгалтер.

– Да никто, – улыбнулся Митрофаныч, – мы вояк часто техникой выручаем, дорогу к ним чистим, со стройматериалами помогаем. Так что всё будет по «бартеру». А пострелять они ой как любят! – и директорская улыбка стала ещё шире.

...К вечеру того же дня на руднике установили оцепление, прикатали пушку-сорокопятаку, притащили три ящика осколочно-фугасных снарядов. В стороне, в безопасном месте, расположился «штаб операции»: любопытный шахтёрский люд, руководство и Лёха вместе с ними. Разговор пошёл совсем неофициальный. Горняки, вплоть до высокого начальства, оказались очень компанейскими и простыми людьми. В ожидании стрельбы они травили горняцкие байки и даже делали шуточные ставки на сход лавины. Не до шуток было только Лёхе и Виктору Иванычу.

Худой и высокий старлей колдовал возле своей любимой пушки. Солдат-срочников он к ней не допустил, заряжал и стрелял сам. Первые выстрелы ушли в «молоко». Артиллерист каждый раз корректировал прицел, дёргал спусковую верёвку и смешно отскакивал от пушки, зажимая уши ладонями. Третий выстрел пришёлся точно в цель. Воронка от снаряда была хорошо заметна в бинокль. Лавина стояла как вкопанная. Горняки уже стали поздравлять Лёху с «победой».

Но шестой выстрел лавину всё-таки расшевелил. Народ охнул и схватился за мобильные телефоны. В первые секунды показалось, что беды не миновать – так быстро рос и ускорялся поток. Но ниже, на пологой части склона, силы трения всё-таки взяли верх. Лавина замедлилась, а потом и вовсе остановилась на приличном расстоянии от промплощадки.

– Ну, что, инженер, смотри! Сошла твоя лавина! – заголосил после перенесённого стресса Виктор Иваныч. – Где ж твой хваленый прогноз? А говорил – не сойдет?

– Да ладно, Иваныч, ну что ты, – урезонил его директор рудника, – молодец наш инженер. Ты же помнишь, какая лавина в прошлом году была: через две дороги перескочила и подстанцию разнесла. А эта – совсем маленькая, всего-то с километр проехала. И то после выстрелов. А сама она, может, и не сошла бы никогда. Так что дельный у нас инженер, и прогноз у него правильный!

Виктор Иваныч недобро зыркнул в сторону Лёхи, но предпочёл промолчать. Митрофаныч в «табели о рангах» имел гораздо больший вес.

...После удачно проведённой весенней лавинной кампании у Лёхи появился повод гордиться собой. Хотя, конечно, он понимал, что ситуация была не из сложных. Ему повезло, как обычно везёт всем новичкам.

Бурные события последних недель прогнали обычную Лёхину хандру за горизонт. Но она свое дело знала. И использовала каждый шанс, чтобы вернуться. Предвидя это, Лёха старался постоянно занимать себя делами.

На полученные от Комбината деньги Михпетыч купил Лёхе новый компьютер, сканер и цветной принтер формата А3. А вот лишних метеобудок, термографов, датчиков и другого необходимого для работы оборудования на складе Экспедиции не нашлось.

– Закажем потом, поближе к зиме в краевом управлении, – пообещал Михпетыч, – дай с делами разобраться.

– Я сегодня же список подготовлю, ладно? – сразу попытался поймать его на слове Лёха. Стиль работы своего начальника он хорошо изучил.

– Делай, делай, пусть будет.

– А с комнатой для меня как? Или вечно у Ивана жить? А если к нему жена вернётся?

– Не заплетай мне последние мозговые извилины, Лексей. Ты же к Виктору на днях пере-езжаешь. Мне доложили.

– Это ничего не меняет. Мне нужно своё жильё!

– Будет тебе «гостинка», будет. В Администрации обещали. Всё в своё время!

Витька с семьёй улетел в отпуск. Лёха с Басмой перебрались к нему. Надолго, почти на все лето. Северяне обычно летали в «сдвоенные» отпуска, потому что государство раз в два года оплачивало им дорогу.

Запланированная стройка двухэтажного гаража на Горе легла на плечи Лёхи и Ваньки. «Инвалиду» гипс сняли, и он почти уже не хромал. Кузов экспедиционного ЗИЛа загрузили досками, брусом, гвоздями, рубероидом, цементом и кирпичом. Осталось дожидаться, когда Григорыч будет свободен. Пока что он целыми днями возил гидрологов по водным объектам.

В долине тем временем бушевала весна. На Север она всегда приходит стремительно: за какие-то пару дней кусты и деревья выбрасывают листву, а травы, боясь упустить короткое лето, выстреливают стеблями распускающихся прямо на глазах соцветий.

Горы вокруг тоже изменились. Их склоны позеленели на нижнюю треть, на две трети оставаясь серо-буро-белыми. Как на фотобумаге, на Горе постепенно проявился тракторный серпантин, когда-то проложенный геологами. Снег умирал, истекая ручьями.

На вершине наконец-то обнажились выходы скальных пород, обходящая их дорога и покрытый плоскими камнями, похожими на кровельную черепицу, пригорок метеоплощадки. Чуть ниже проснулись ручьи.

Начал выгаивать и балок. Лазить через люк перестали, откопали входную дверь. В окно теперь свободно проникал дневной свет. Даже с избытком, поскольку в эти широты пришёл настоящий полярный день. Солнце не уходило за горизонт вовсе, нарезая по небосводу спираль без конца и края.

Наконец, все звёзды сошлись, и ЗИЛ по серпантину медленно пополз в гору. На крутых участках он вставал почти на дыбы, показывая пассажирам в лобовое стекло только низкое северное небо. Порой приходилось ломami спихивать с дороги крупные камни. Было неясно, что Григорыч делает виртуознее: ругается или водит машину. Но даже ему подъём давался с большим трудом. Часто грузовик не вписывался в поворот, и пассажиры, выскочив из кабины, подсказывали водителю расстояние от заднего колеса до обрыва. Залезать в машину после такого им не очень-то хотелось.

... Сначала Лёха с Ванькой из кирпичей сложили столбики фундамента, затем из бруса собрали каркас будущего гаража. Въезд на второй этаж решено было сделать по деревянной эстакаде, прямо с дорожной насыпи.

Физически тяжелые работы были закончены, и лавинщики перешли на обычную десятидневную вахту. Обшивать гараж досками теперь можно было в одиночку. Ванька спешил спуститься вниз, поскольку к нему, наконец-то, вернулась жена с семилетней Иришкой. Лёха не возражал. Ему хотелось побыть одному. Собака одиночеству не мешала.

Погода стояла солнечная, было не жарко, градусов 10-15, и постоянно тянул ветерок. Комары сюда почти не долетали. Лёхе нравилось, выходя из балка, смотреть вдаль на покры-

тую зелёным лиственничным ковром долину. На россыпь озер, отражающих небо, на трубы Города, рудничные копры Пригорода, реку, уносящую светлые воды куда-то за горизонт, к суровому Ледовитому океану. Время текло вокруг Лёхи зримо, вместе с солнцем, кружащим над горизонтом, разбивая сутки на простые и понятные четверти: от «срока» и до «срока».

Десятидневная вахта пошла Лёхе на пользу. Он навёл-таки порядок в жизни и в голове. Занялся спортом, раз в сутки бегал с Басмой вниз-вверх по серпантину (по которому завозили стройматериалы), обшил две стены досками и всерьёз взялся за планомерную «загрузку» метеоданных в ноутбук. Лёха собирался просчитать поля температур и осадков и построить карту их распределения по району. Зачем? Чтобы знать, что творится с погодой в каждой точке, в каждом лавиносборе. Во всяком случае, пока Лёха верил, что это возможно.

Но долго пробыть одному не удавалось. То посреди светлой ночи заходили подростки в поисках приключений, то туристы – поглазеть и пофоткать Пригород, то вдруг начинал скрипеть кресельный подъёмник, и на нём поднималась тёплая шашлычная компания с горнолыжной базы. Всегда выручала чуткая Басма, заранее предупреждая Лёху о приближении гостей.

– Здорово, хозяйева! Чайком не угостите? – прервал Лёхин сон стук в дверь. Набегавшаяся за день Басма в этот раз позорно проспала гостей.

В балке сразу стало тесно: вошли двое одинаково одетых мужчин, с шевронами МЧС и группой крови на нагрудных карманах. Познакомились. Один (плечистый, уверенный в себе «шкаф» с золотой «фиксой») представился старшим спасателем Васей Штиновым по прозвищу Штырь, а другой (добродушный усатый малый лет сорока пяти с намечающимся пузцом) – внештатником и директором лыжной базы Семёном Семёновичем Седовым.

Общий язык нашли сразу. Попили чайку, поговорили о горах, о восхождениях и лавинах. Лёха напрочь забыл про свой хронический недосып.

– Давай, Лёш, с нами в горы на будущий год! – уговаривал Сеня.

– У тебя какой разряд? Третий? – уточнял Штырь. – Ну и отлично! Мы в Ханские горы планируем. У тебя же отпуск летом будет?

– Наверно, если доживу.

– А еще давай к нам, внештатником! – агитировал Штырь. – У нас спасателей вечно не хватает. Особенно летом. Спасработы идут постоянно. А добираться сюда из Города далеко. У тебя ж в Экспедиции техника есть, и район ты знаешь. Подстрахуешь, если что... Давай! Я тебя с такими ребятами познакомлю! Мировые парни! Гарантия!

– Да я не против, только с лавинами надо сперва разобраться. У меня отчёт на носу.

– Вот-вот! От нас как раз статьи в газету начальство требует, – Вася Штырь уже строил на Лёху грандиозные планы. – И лекции школьникам читать некому. А ты Университет окончил, значит умный. Давай, подключайся!

– А чё, зима у нас длинная, время найдется на всё! – философски заметил немногословный Сеня.

Лёха понял, что с новыми друзьями ему скучно не будет.

Глава 13. Страховка

Лето пролетело незаметно. Половину времени Лёха проводил на Горе, потихоньку достраивая гараж и занимаясь наукой. Об этом, собственно, он и мечтал, поступая на географический факультет. Он любил работать и головой, и руками-ногами. Заниматься чем-то одним казалось Лёхе скучным. Он, наверное, не смог бы всю жизнь просидеть за столом где-нибудь в офисе. Или, скажем, простоять у станка – помер бы со скуки.

В Экспедиции Лёха получил то, что хотел: полную самостоятельность и отсутствие контроля «сверху». Михпетыч его не трогал, только порой напоминал о времени сдачи отчётов в Комбинат. Конечно, другой бы на его месте мог расслабиться и «подзабить» на работу, но Лёха был не таков: чем больше ему доверяли, тем больше он старался оправдать доверие. Проницательный Михпетыч это понял и своего инженера излишним контролем не обременял. А Лёхе это было и надо – планов по работе у него накопилось громадье.

Заполучить Григорьича с машиной летом было практически невозможно. Поэтому в перерывах между вахтами Лёха брал у Сени Седова старенький мотороллер с кузовом и колесил на нём по району, изучая свои «подшефные» лавиноопасные участки. Фотографировал, делал описания, измерял, как мог, составлял схемы. То мотороллер на Лёхе, то Лёха на мотороллере – по тропам пробирались они с Басмой вдоль рек и отрогов гор, рассматривая и картографируя тамошние лавиносборы. Уворачиваясь от колес здоровенных грузовиков, в пыли и грязи по самые уши, Лёха объездил и облазил склоны всех открытых рудников и карьеров. Приключений за свое первое северное лето он нахватался выше всякой меры.

Побывал Лёха на соревнованиях по скалолазанию, на местном турслёте, участвовал в спасработках, помогая вылавливать утопленников из холодных северных озёр, с Колей-водолазом доставал из карьера утонувший БЕЛАЗ, по просьбе Михпетыча ходил на катерах и летал на вертолётах на инспекцию речных постов и метеостанций – короче, брался за любую работу.

Лёху теперь знали все: и туристы, и альпинисты, и спасатели; перезнакомился он с вертолётчиками, руководством рудников, сотрудниками Заповедника и Мерзлотной станции. Не очень-то общительный раньше Лёха не узнавал сам себя. Он стал популярен!

Внимание ему даже льстило. Лёху приглашали в гости: то в квартиры, то к кострам, а то в туристские избы, уютившиеся у подножия гор. Вились вокруг Лёхи и барышни. Стюардесса по имени Алла звонила несколько раз, но Лёха был занят на работе. Он отвечал коротко и односложно. Алла звонить перестала.

– Михал Петрович, где я буду жить, когда Витька из отпуска вернется? – чуть ли не каждый день вопрошал Лёха. – Мне что, обратный билет до Москвы брать?

Михпетыч, занятый своей летней гидрологией, делал испуганное лицо и клялся, что сегодня же похлопочет в Администрации. Но на следующий день диалог повторялся с начала.

За Лёху «болела» вся Экспедиция. Бухгалтер Маргарита Михайловна придумала «ход конем»: Лёха с полочки покупает диван (всё равно же понадобится) и привозит его в кабинет Михпетыча. Типа, больше некуда поставить. Каким бы абсурдным сперва не показался этот план, но он сработал! В конце августа Лёха затащил в кабинет Михпетыча диван, а в начале сентября уже делал ремонт в своей собственной «гостинке». Бухгалтер знала своего начальника наизусть.

Северяне, как перелётные птицы, постепенно возвращались из отпусков. Прилетел с теплого моря довольный и загорелый Витька. Его сразу же сослали на Гору доводить до ума утепление гаража. У Лёхи появилось ещё больше свободного времени.

– Айда с нами на скалодром! – позвал однажды лавинщика Васька Штырь.

– Это куда? – не понял Лёха.

– В Город, в Спорткомплекс. Тренировки уже начались!

Прихватив с собой спортивную форму, однажды вечером Лёха двинул в Город.

Выйдя из автобуса на Центральной площади, он ненадолго заглянул в церковь. Народу там было совсем немного, и он мог спокойно поразглядывать иконы и почитать, что на них написано. Славянская вязь Лёхе не поддалась.

– Нет ли у Вас что-нибудь почитать про святых, про иконы? – спросил Лёха в свечной лавке.

– Вам для взрослых или для детей?

Лёха подумал и купил детскую книжку с картинками: «Почитаю, а потом подарю сестрёнкам».

...Спорткомплекс стоял на горке, подниматься к нему надо было по двум лестницам и одному пешеходному мосту. Почему-то Лёха туда летел как на крыльях. Может, так подействовал на него визит в церковь? Или он просто соскучился по скалам, верёвкам и карабинам?

По словам Штыря, тренировками руководила девушка по имени Элина. Днём она вела занятия с детишками из Школы юных туристов, а вечером следила за порядком, когда в спортзал приходили потренироваться взрослые альпинисты.

Лёха старался успеть к концу детской тренировки, чтобы спокойно всё разузнать.

В спортзале было шумно: по дорожкам бегали легкоатлеты, в углу приседали бабушки из «группы здоровья», гимнасты тренировали прыжки через «козла», а акробаты крутили сальто на батуте.

В Столице Лёха видал залы и «покруче». Скальные стенки огромной высоты, оборудованные по последнему слову техники, можно было встретить теперь в каждом торгово-развлекательном центре.

Здесьняя стенка была так себе – всего-то с трёхэтажный дом. Но сделано все было «по уму»: и участки с «нависанием», и контрфорсы, и внутренние углы. Только вот зацепы для ног и рук были не «фирменные», а самодельные, искусно выточенные из деревяшек.

Ребяшня, разбившись на пары (один лезет, другой страхует), всюду ползала по стене. Добравшись до верха, юные скалолазы «дюльферяли» вниз на спусковых устройствах (если была рядом верёвка) или просто скользили вниз «парашютиком». Со всем этим «безобразием» ловко управлялась ладная девушка примерно Лёхиных лет.

В её 165 сантиметров роста гармонично укладывались классические 90/60/90 или что-то около этого. Но дело было не в пропорциях. В фигуре, движениях, осанке девушки, манере себя вести было что-то неуловимо царственное и в то же время непосредственное и бесконечно простое. Лёха обомлел. Настолько совершенных созданий женского пола он ещё не встречал.

Это неземное существо было одето в темно-синий спортивный костюм и имело пару живых тёмных слегка раскосых восточных глаз, обрамлённых нарочито небрежной, но практичной стрижкой-каре.

С открытой шеи под ослепительно белую футболку ныряла тонкая серебряная цепочка, а на безымянном пальце правой руки у этого совершенства поблёскивало небольшое золотое кольцо. «Вот незадача», – подумал Лёха, продолжая любоваться девушкой издали.

Ребяшня стайками вилась возле неё. Всем хотелось получить хоть капельку внимания. Особенно в этом преуспевали девчонки, буквально вешаясь на тренера со всех сторон. Для каждого у девушки находилось доброе слово, обнимашка или просто шуточный подзатыльник. Почти всем в конце занятия она ставила шариковой ручкой на протянутых ладошках «пятёрки с плюсом», и только самые отпетые шалуны получали «четвёрки».

Тренировка подходила к концу, и детвора наперебой стала прощаться:

– Елена Санна, когда придёшь? В четверг? К трём? Ну, мы тогда домой... До свиданья! Хорошего вечера!

Ребята убежали, а загипнотизированный Лёха всё стоял и смотрел, как девушка начинает сматывать верёвки и раскладывать по полкам разбросанный детский инвентарь.

– Э-э-э, давайте, я помогу? – вышел, наконец, из оцепенения Лёха.

– Давайте, – просто ответила девушка.

– А где мне Элину найти, не подскажете? Кстати, здравствуйте.

– Это я. Вы тоже здравствуйте.

– Так вас дети, вроде, Еленой Санной называли...

Девушка улыбнулась, и в ее тёмных бездонных глазах как будто засияли звёзды:

– Им так удобнее. А на самом деле я Элина.

– А я Лёша. Алексей. Здравсьте, – зачем-то снова повторил покрасневший как рак Лёха. Сбиваясь и путаясь в словах, он кратенько объяснил, зачем пришёл.

– Нет проблем, пожалуйста, два раза в неделю у нас «взрослые» тренировки, приходите, – предложила Элина. В отличие от Лёхи, она была совершенно спокойна и невозмутима.

Когда инвентарь был убран, Элина запросто, как старого знакомого, поблагодарила Лёху за помощь и предложила:

– Летом мы с ребятами обычно в горы ездим. Вот только что вернулись. Присоединяйтесь к нам на будущий год, если будет желание...

– Теперь понятно, почему мы на соревнованиях по скалолазанию не виделись. Я бы Вас запомнил.

– Это почему же? – подняла глаза девушка.

– Потому что Вы на других не похожи.

– Я самая обычная.

– Не совсем.

– Или совсем не?

Девушка посмотрела на Лёху оценивающе:

– Есть у Вас пара минут?

– Конечно, – смущённо проговорил Лёха.

– Помогите мне, пожалуйста, верёвку снять, – Элина показала наверх, – там что-то запуталось. Пострахуете?

– Не вопрос.

Элина, пристегнула верёвку к карабину на «беседке», а Лёха надел перчатки.

– Страховка готова!

Девушка улыбнулась. Кокетничать она и не думала. Улыбнулась, потому что ей нравилось улыбаться. Потом скинула флиску, и, оставшись в футболке, ловко прошла по стене по самому простому маршруту, выбралась наверх и на двенадцатиметровой высоте принялась освобождать перекрутившуюся верёвочную петлю.

Лёха внимательно смотрел на девушку, любуясь ловкой работой молодого гибкого тела и тонких сильных рук, готовый в любой момент зафиксировать в ладонях страховочную верёвку.

– Закрепи! – попросила Элина, – ой, простите, то есть закрепите...

– Сделано, – отвечал Лёха, и девушка всем своим невеликим весом нагрузила потолочный крюк.

Раздался жуткий треск отваливающейся штукатурки, и на Лёху рухнули куски цемента, карабины, верёвка... Он не увидел, а скорее почувствовал, как из облака побелки и пыли на него сверху падает что-то большое и, по-видимому, очень ценное. Вопреки инстинкту самосохранения и здравому смыслу, вместо того, чтобы отскочить в сторону, Лёха подставился под то, что падало.

Когда пыль рассеялась, на полу, все в побелке, сидели двое молодых людей и ошалело смотрели друг на друга...

Глава 14. Боль в ребро

У Лёхи пол-лица было в крови, наверное, он «поймал» лбом какую-то железяку. Элина была, похоже, цела.

– Ой, Лёш, у Вас кровь! – захлопотала девушка. – Давайте быстро в медпункт, у меня там медсестра знакомая... И спасибо Вам, что меня поймали. Я даже испугаться не успела.

– Да чего уж там, – хрипло откашливаясь, с трудом поднялся Лёха. – Вы сегодня ужинали?

– Нет, а что? Вы меня в ресторан пригласить хотите? – улыбнулась девушка, удивлённо глядя на своего спасителя, красно-белого от побелки и крови.

– Да не, если б Вы поужинали, мне бы точно хана...

Элина улыбнулась только губами, глаза её выражали неподдельное беспокойство и сострадание.

Лоб зашили быстро и почти без боли. Медсестра попалась умелая. Ещё пострадали рёбра. Но Лёха решил об этом никому не говорить.

– Я Вам сейчас укольчик поставлю, приспустите брюки, пожалуйста, – кокетничала с Лёхой медсестра, явно настроенная на продолжение знакомства. – Меня Светланой зовут. Для Вас просто Света. Вы заходите ко мне в медпункт, если что, я постоянно здесь дежурю. Телефончик Вам запишу, если помощь какая понадобится. Медицинская или вообще.

Элина ждала Лёху в коридоре.

– Давайте, я Вас до дома подвезу.

– Не надо, это далеко, в Пригороде.

– Как знаете, – пожала плечами Эля, – мне не трудно.

Молодые люди вышли из Спорткомплекса вместе. У Лёхи на свежем воздухе закружилась голова, и он чуть не навернулся со скользких ступенек. Теперь уже девушка выступила в роли спасателя.

– Никуда я Вас одного не отпущу, поедете со мной, – велела она. – И точка.

Лёхе пришлось подчиниться. Да он и не сопротивлялся. Голова кружилась сильно. А в ушах звенело.

У Элины был красный праворульный джип. Почти новый. Лёха о таком пока только мечтал.

– У Вас машинка отличная. Муж, наверное, – директор завода, – попытался сделать неуклюжий комплимент Лёхе, а заодно и разузнать происхождение колечка на пальце.

С лица Элины исчезла ее обычная полуулыбка, и она, не отрывая глаз от дороги, ответила:

– Это папин подарок. Только давайте о чём-то другом поговорим. Или помолчим, если хотите.

Лёха намёк про мужа понял и рот закрыл.

– Вы уж простите, – через минуту оттаяла Эля, – просто я не люблю, когда меня про личную жизнь спрашивают. Давайте лучше про горы.

Лёха неожиданно для себя разговорился. Может, на него подействовал укол, а, может ещё какие обстоятельства. С Элиной ему было на удивление легко. Даже получалось шутить. В основном, конечно, над собой. Лёха трещал без умолку, а Элина улыбалась и внимательно следила за дорогой.

Она оказалась неплохим водителем. Даже с правым рулём уверенно обгоняла грузовики и автобусы на неширокой дороге.

– Мне на поворотах отлично «встречку» видно. Вы не беспокойтесь.

Дорога до обидного быстро летела под колёса машины.

– Вас куда подвезти?
– Дом возле Администрации, знаете? У вокзала налево.
– Конечно, знаю, «гостинка»? Там как раз рядом моя знакомая живет, Света. Которая Вас зашивала... Беда у неё: муж ушёл. Одна с двумя детьми осталась. Так бывает.

Вскоре джип затормозил у подъезда.

– Давайте, Элина, я вам помогу в зале страховку починить? – сдуру предложил Лёха.

– А как же Ваша голова?

– Завтра буду как огурчик, – пообещал Лёха, радуясь, что про рёбра девушка ничего не знает.

– Ну, завтра не надо, мы там убираться будем. Может, на следующей неделе? Во вторник вечером? Отлежитесь... Только не зовите меня, пожалуйста, Элиной. Как-то уж слишком официально... Можно Элей звать. А для друзей я просто Элька.

– Это как размер одежды? – сострил Лёха.

– Почти. Только я «эску» ношу.

– Ну, что, тогда до вторника, Эля.

– Да, и ещё раз спасибо Вам, Лёша, большое.

– Да ладно, чего уж там, любой бы на моем месте, – пробурчал под нос Лёха, простился, выполз из теплой машины и поплёлся в свою холодную «гостинку», где его ждала только собака. Внутри у него что-то заныло – то ли под сердцем, то ли под сломанными рёбрами.

...Лоб утром болел, как будто с Лёхи сняли полскальпа, а левый бок даже немного поси-
нел. Но, похоже, внутри, кроме рёбер, все было цело. Дышалось тоже нормально, если не вдыхать глубоко.

Лёхе почему-то не лежалось и не сиделось. Вообще было непонятно, что с ним происходит. Почему сердце теперь так неровно стучит, замирает, а потом как будто ухает в пропасть? Что за аритмия такая? Может, ребро на него давит? Или это от сотрясения мозга?

К концу дня стало ясно: ему хотелось снова увидеться с Элькой. Лёха испугался сам себя. Вот ещё не хватало: влюбиться в замужнюю женщину!

...Взяв напрокат у Витьки перфоратор и ящик со всевозможным инструментом, закупив в магазине самые мощные анкерные болты, во вторник вечером Лёха потащился в спортзал. Рёбра напоминали о себе при каждом резком движении.

– А, это моя Подушка Безопасности приехала! Здравствуйте, Лёша! Голова заживает? Больше ничего не болит? – Элька, как всегда приветливая, встречала Лёху у «скальной» стены.

– Здравствуйте, Эля. Да, ничего, заживает понемногу. Я, вот, инструменты привёз, – смутился и опустил глаза Лёха, будто бы разглядывая свои ящики.

Нацепили «беседки», подготовили инструмент и веревки, притащили удлинитель, чтобы достал до потолка. Лёха навязал из репшура два «схватывающих» узла, примерил «стремена» на ноги. Проверил пряжки на системе. Страховку решили сделать через соседние точки на потолке, которые пока еще крепко держались.

– Давайте теперь каждую точку на три анкера закрепим, – предложил Лёха. – Знаете как? Мне инструктора в альплагере показали – треугольником.

Лёха, завязав «грейпвайн» большую верёвочную петлю, продел ее через три «уха» на анкерах, в двух местах перекрутил, все петли прошёлкнул в карабин и потянул на себя:

– Вот, пожалуйста, страховка готова. Теперь в какую сторону ни тяни, усилие распределяется на три точки равномерно.

– Вот здорово! – искренне изумилась Элька, – я не знала, что так можно.

Когда Лёха долез до потолка и попробовал сверлить, он понял, что забыл о самом главном. О пылесосе. Цементная пыль сыпалась не только на Лёху, но и разлеталась по всему спортзалу. Пришлось Эльке бежать к уборщице.

Второй дубль «восхождения» под потолок увенчался успехом. На этот раз Лёха, перфоратор, пылесос и сумка с инструментом висели на собственных страховочных концах, с которыми внизу ловко управлялась Элька. Лёха только жонглировал ими и подсказывал, что «подтянуть», а что «выдать». Элька напоминала звонаря, который поочередно дёргает за разные веревки, звоня в колокола... Три ровненькие дырки в потолке появились довольно скоро, и в них прочно угнездились мощные анкера.

– А что, Эля, может, и другие точки тоже укрепим? Я много болтов привёз, – спросил сверху Лёха.

– Да, можно, если Вы не устали, – отвечала Элька. – Это ж для деток. Такого полёта, как мой, я никому не пожелаю. Давайте уж сделаем. Лёш! А Вы правда не устали?

Лёха, разумеется, ответил «нет», хотя перед глазами у него давно ужеплыли концентрические окружности. Лазить по верёвкам со сломанными рёбрами и разбитой башкой ему было явно не в радость. Но он терпел. Чтобы выиграть время и чуть отдохнуть, он попробовал пошутить.

– Эля, Вы случайно не звонарём подрабатываете? Так ловко с веревками управляетесь?

– Ой, а Вы откуда знаете? Я, и правда, иногда в храме звоню... И читаю... Когда мальчишки заняты.

– Да ну?

– Ну да, и в хоре пою. Вы удивились?

– Удивился? Не то слово!

– Почему?

– Ну, не похожи Вы на верующую...

– Аргументируйте! – в свою очередь удивилась Элька.

– Ну, они все в длинных юбках, в платочках, сутулятся, под ноги смотрят, молитвы свои бубнят. Я в Столице часто таких видел. В метро, например.

– Ну, Вы, Лёша, даёте! Разные верующие, конечно, бывают. Но таких, как Вы описали, мало. У нас молодёжи в храме полно, все почти семейные, детей много. Вы в воскресенье к нам приезжайте, и сами увидите, какие верующие бывают.

– Ладненько, спасибо, – Лёха был явно озадачен. «Ничего себе, совпадение, – подумал он, – свечки, иконы, книжка о святых, а тут ещё Эля, оказывается, в храм ходит.» Лёха знал, что совпадения просто так не случаются.

Чтобы отложить этот непонятный ему разговор, Лёха снова пополз под потолок. Он ловил себя на мысли, что работать с Элей ему нравится, и всё получается как-то быстро, ловко и без нервов. Она понимала Лёху буквально с полуслова.

...Поздним вечером работа была окончена. Укрепили всё, что только можно было укрепить.

– Ну, теперь хоть «знак качества» на каждом анкере ставь, – пытался сам себя похвалить полуживой Лёха.

– Поставим обязательно. Спасибо Вам, Лёша. И еще... Зря Вы мне не сказали, что внутри у Вас болит. Я же всё равно заметила. Только не сразу. Зря Вы так. Героически. Дело бы подождало. Правда! Есть же и другие ребята... Вы только не обижайтесь! Спасибо Вам за всё.

Лёха стоял, потупив взор. У него не было сил даже улыбаться. Он думал о том, как доедет домой на автобусе со всеми этими инструментами.

...Элька, словно прочитав Лёхины мысли, снова сжалась над раненым и повезла его в Пригород на машине. Теперь говорила в основном она. О своих подопечных юных туристах, об избе в тундре, в которую они ходят по выходным, о летних восхождениях.

– А, кстати, мы следующим летом в Ханские горы собираемся. Поедете с нами?

– Мне Штырь и Сеня Седов говорили. Поживём-увидим, чего загадывать?

– Ой, Вы с ними тоже знакомы? Как хорошо.

Элька примолкла.

– Мне, правда, очень приятно, что мы познакомились, – попытался нарушить неловкое молчание Лёха. – Как-то так необычно получилось. Я, вот, уверен, что ничего случайно не происходит.

– На всё воля Божья, – кротко ответила Элька.

– У меня часто такие совпадения в жизни бывали, что потом, когда уже время пройдёт, понимаешь, зачем это случилось. А сначала ничего не понятно. Потом клубок событий как будто расплетается, и ты начинаешь понимать, что судьба тебя, оказывается, по жизни за ручку вела. Понимаете, о чём я?

– Конечно, понимаю. У православных это называется Божий промысел. И слово «неслучайно» мы заменяем на «промыслительно». А в остальном я с Вами согласна. И хорошо, что Вы к этому сами пришли. Вам бы теперь ко храму поближе... А Вы крещены?

– Да как-то нет. Одно время собирался, а потом закрутился, и не вышло.

– Господь всех нас разными путями к Себе ведёт, – проговорила задумчиво Элька.

Глава 15. Главный секрет

Лёха рьяно вгрызся в работу. А что ему оставалось делать? Грустить об Эльке с обручальным кольцом?

«Нет, – сказал он сам себе. – Давай, инженер, работай. О девушках даже не помышляй. Тем более, о замужних!»

Тем не менее, справки об Эле Лёха навёл.

– Чёткая девчонка, – пояснил Штырь. – Правильная. Строга во всём. Не то что мы, балбесы. Замуж выскочила, и всё. На хромой козе теперь к ней не подъедешь. Я пытался пару раз клинья вбить.

– А она что?

– Замужем я, говорит. И всё тут.

– А кто у неё муж? – осторожно поинтересовался Лёха.

– Да, депутат местный. Даже, кажется, Председатель Горсовета. Видный такой. Каждый день по телеку в новостях показывают.

– Да уж, – только и проговорил Лёха.

– А нафига тебе знать? – хитро глянул на него Штырь.

– Да так, интересно, – не стал углубляться в тему озадаченный Лёха.

Чтобы не беречь душу, с Элькой Лёха старался видеться как можно реже.

Но куда денешься «с подводной лодки»? То на тренировках, то в тундре молодые люди всё же пересекались. Элька с Лёхой была равна, приветлива, впрочем, как и со всеми остальными людьми на свете. Она держала дистанцию, но в то же время, была мила, проста и непосредственна в общении как ребёнок.

Лёха влюбился в Эльку по самые уши и не понимал, что с этим делать. И посоветоваться было решительно не с кем.

Как обычно, он топил все сомнения в работе. Сторож Никаноровна дивилась, если Лёхи не было в Экспедиции вечером или в выходной. Иногда она подкармливала его домашними пирожками. Перепадало и Басме.

– Ой, как выросла собачка Ваша! Ой, как ушки стоят! И какая умненькая! – то и дело причитала Никаноровна.

В кабинет к лавинщикам Чара давно не заходила. С Лёхой и Басмой у неё образовался зыбкий нейтралитет.

Снега к ноябрю навалило изрядно. Пришли настоящие морозы. Световой день стал совсем коротким. Лавинщикам, чтобы успеть сделать все дела, приходилось рассчитывать время буквально по минутам.

Лёха уже стал привыкать к здешней зиме. То антициклон придёт, то циклон. Как на качелях: либо мороз без ветра; либо тепло с пургой.

Если задует ветер – в снежном шурфе глаз не раскрыть, позёмка летит прямо в лицо. Глянешь на термометр – а ресницы уже слиплись. Как тут цифры записывать?

– Очки горнолыжные надевай! – советовал Витька. – И тонкие перчатки под варежки! Карандашом пиши, карандашом. Ручка замёрзнет.

Зато в мороз в шурфе можно было сидеть долго, если тепло одет. Но тут другая беда – на снегоходе далеко не поездишь. Деревенеет всё: лицо, руки, гусеницы, пружины, катки. Легче уж пешком ходить – не так холодно, по крайней мере. И снегоход целее будет.

Сил у Лёхи на большом морозе обычно хватало часа на два. Потом начиналось: руки-ноги-щёки-нос. И опять по кругу. Пока одно греешь, другое замерзает. Как ни одевайся, всё

равно Север вытянет из тебя тепло. Лёхе порой казалось, что открытый космос здесь где-то совсем рядом, за легкой занавеской из Северных сияний.

«Чудо какое, – думал Лёха, – что здесь люди живут. И не просто живут, а работают! И еще как работают! Сколько всего понастроили! Рудники, заводы, жильё, школы, садики, больницы... И везде по трубам, как по сосудам, тепло бежит, по проводам, как по нервам – электричество.»

Промышленный район представлялся Лёхе огромным живым организмом. И каждый человек, как отдельная клетка, совершает здесь своё маленькое геройское чудо, выполняет свою функцию. Горняк добывает, металлург – плавит, энергетик – обеспечивает теплом, директор – командует. Ну, а «клетка» по имени Лёха – защищает от лавин.

«А, может, никакого Бога и нет? И всё это дело рук человеческих? Если Бог есть, то он искусно скрывает свое присутствие в мире. Вот ведь тоже загадка...»

«Ну ладно, – продолжал размышлять Лёха, – пусть Город построили люди. Это у них хорошо получилось. Но воспроизвести животную или растительную клетку они до сих пор не могут!»

Лёхе были совсем непонятны три вещи в мире. Во-первых, что было со Вселенной до Большого взрыва? Во-вторых, как из неживой материи возникла живая? И, в-третьих, откуда произошёл человек? Ведь не от обезьяны же?

Лёхе не верилось, что мир мог возникнуть из хаоса сам по себе. Что приехал однажды самосвал на стройку, ссыпал кирпичи, а они сами – раз – и в дом сложились. Так ведь не бывает! Или краска случайно вылилась на холст – и получилась Мона Лиза. Должен же быть в каждом деле Творец!

...Третью времени Лёха честно сидел на Горе, как и обещал Витьке с Ванькой. Там ему хорошо думалось и работалось. Дело двигалось, к середине зимы почти все данные были «забиты» в электронные таблицы. Но к заветной формуле прогноза лавин Лёха не приблизился ни на йоту. Чем больше он вникал в ситуацию, тем больше понимал, что его университетское образование здесь бесполезно.

Он убеждался, что климат промышленного района невозможно измерить общим «аршином». Когда на всём полуострове стоял мороз при ясном небе, в Городе могла разыгаться пурга, которая на многие дни закрывала Аэропорт и заставляла снегоуборочную технику работать без перекуров. Или когда над плато Северных гор светило солнце, воздушные массы с севера могли принести в Город туманы и обложные дожди. Как будто этот рудоносный район притягивал непогоду, и здешняя Хозяйка медно-никелевых гор специально раскручивала вокруг себя карусель ветров и метелей...

Лёха наблюдал за окрестными горами и диву давался, насколько сильно они менялись после каждой пурги. Нельзя было предугадать, откуда в следующий час задует ветер, в какой ложбине накопятся метры снега, а откуда он будет выдут до самых камней. Солнечные лучи, ветры и снегопады, морозы и оттепели всю зиму «пекли» многослойный «пирог» снежного покрова. В каждой точке разный.

– Ты пойми, Василий, – объяснял Лёха Штырю азы лавинного ремесла, – снег как живой. Он ни минуты не находится в покое. Чуть только изменится температура, сразу меняется влажность внутри. Возникает разница давлений. Она заставляет молекулы водяного пара постоянно перемещаться внутри снежной толщи. Из-за этого одни кристаллы растут, а другие уменьшаются. Есть вообще такая штука – «глубинная изморозь» – она до сантиметра-двух иногда вырастает. Это полые кристаллы такие, как рюмочки, очень рыхлые и непрочные. По этим слоям очень часто сходят лавины.

– Чё, брат, не бухаешь ли часом от одиночества? Рюмки мерещатся? Что-то у нас я их особо не видел.

– В нашем районе их мало. Они южнее и восточнее образуются. А у нас они только к весне появляются.

– Тебе, Лёха, лекции школьникам читать надо... А что? Напомнил! Это же идея!

– Какой из меня лектор?

– Отличный! На нас, на Спасслужбу, давно Управление образования напирает, давайте, типа, молодежь просвещайте и образовывайте. Это после того случая, когда пацанов на карьере завалило. Так что, Лёха, давай, на тебя вся надежда! Я договорюсь.

– А время где взять?

– Не мороси! У тебя его в полярную ночь навалом. Выручай, брат, мы же тебя не зря внештатником оформили, теперь давай, отдувайся!

Лёха был не против. Несколько месяцев он честно ходил по школам, читал лекции в классах и залах. Правда, удерживать внимание школяров ему удавалось с трудом. Минут сорок, не больше. И то с помощью «страшилок» – рассказов о несчастных случаях. Но представление о лавинах у ребят вроде как оставалось.

Эти лекции помогали и самому Лёхе упорядочить в голове знания о лавинах Севера. Всё потихонечку складывалось в единую, пусть и сложную, но систему.

– Северные лавины делятся на несколько основных типов, – обычно начинал Лёха. – Во-первых, это лавины свежеснежного и метелевого снега. Они у нас сходят всю зиму, после метелей и снегопадов. Представьте себе яблоко на ветке. Оно растёт, наливаясь соком. Сила тяжести хочет его притянуть к земле, а череночек маленький – удержать на ветке. Вот они и борются между собой, пока яблоко не созреет и не упадёт. Вот так и лавины: копят снег, копят. Чем больше его выпадает, тем больше он стремится сползти вниз. В какой-то момент снег уже не может удержаться на склоне. И тогда сходит лавина.

– Это если громко закричать? – спрашивали ребята.

– Ну, может, и от крика, и от обрушения снежного карниза, и от неосторожности альпиниста или лыжника. Ведь вес человека тоже увеличивает нагрузку на снег и силу тяжести. Может лавина и сама собой сойти. Как яблоко: созреет и упадёт. А может раньше времени упасть от того, что ворона на ветку сядет или ветер подует. Ваше, ребята, дело – под тем «яблоком» не оказаться. Под лавиной то есть.

– А вот Ньютону яблоко на голову упало, и он Закон всемирного тяготения выдумал! – выкрикивал обычно какой-нибудь эрудированный мальчишка.

– Лавина – это не яблоко, шишкой не отделаешься, – продолжал Лёха. – Самые большие лавины у нас сходят весной, когда снег начинает таять. Они у нас самые опасные. Из-за наличия воды, которая действует подобно смазке, они имеют самую большую дальность выброса и самые большие скорости и объёмы.

– А что делать, если попал в лавину? – сразу перебивали школьники.

И тут Лёха садился на свой любимый конёк, начиная рассказывать чисто практические вещи, многие из которых он знал из своей туристской и альпинистской практики: как пересекать опасные склоны, как налаживать страховку, как бороться за жизнь попавшему в лавину, как искать и откапывать человека, что такое лавинный шнур, щуп и маячок...

– А знаете, как человеку, оказавшемуся глубоко под снегом в непонятной позе, определить, где низ, а где верх, и куда надо копать? – спрашивал Лёха публику.

Версии звучали самые разные. Наконец, какой-нибудь смысленный мальчуган выкрикивал:

– Слюну пустить! – и весь зал начинал гудеть как улей и живо представлять, каково это: оказаться заживо погребённым под метрами лавинного снега и пускать слюну.

– А Самый Главный Секрет безопасности в горах знаете какой? – обычно спрашивал под конец лекции Лёха.

Школьники тут же начинали вслух повторять все подряд правила безопасности, сами себе пересказывая содержание лекции и лучше запоминая услышанное.

Когда ребячья фантазия иссякала, Лёха делал театральную паузу и торжественно произносил:

– Самый Главный Секрет безопасности в горах... держаться от опасных склонов как можно дальше!

В общем, цели своей Лёха достигал – молодежь уходила с лекций озадаченная и немного напуганная. «Ну и хорошо, – думал он, – меньше будут лезть, куда не следует...»

Ирония судьбы была в том, что раздавая умные советы направо и налево, сам следовать им Лёха не мог. Его Главный Секрет касался всех, но только не его самого. Северные лавины стали теперь частью Лёхиной жизни. Держаться от них подальше он был не вправе.

Глава 16. Навстречу

К марту Лёха вычислил всё, что мог: среднегодовые, среднемесячные, среднесуточные показатели, максимальные и минимальные величины за десятки лет наблюдений. Построил карты их распределения по району. Все это было здорово. В принципе, Лёха теперь мог спрогнозировать погоду в любой точке района... А что толку? Точность такого прогноза была бы ниже всякого пинтуса! Какой смысл вычислять коэффициенты корреляции с десятью знаками после запятой, когда точек наблюдения катастрофически мало? В другом районе, где климат попроще и поровнее, может, метеоплощадок было бы достаточно. Но только не в Северном Городе. Здесь погода ежедневно сходила с ума, возводя это сумасшествие в климатическую норму.

– Что, мужики, делать будем? – спрашивал Лёха у Ваньки с Витькой. – Нам надо количество точек наблюдения увеличивать. Причём, намного.

– Ну, ты, начальник, загнул! Нам что теперь, на части разорваться? Саламыч-то без этих дополнительных точек наблюдений обходился.

– Да, у него какие-то свои методы работы были. Я пока ещё не понял, какие. А у меня – свои методы.

– Мы и так как белки в колесе.

– Да, вроде, на белок вы не похожи, – пробовал гнуть свою линию Лёха, – сами же говорили, что работа «не пыльная», отгулов-то вон у вас сколько! Чаше дома бываете, чем на работе. Я вот когда на Горе сижу, кроме наблюдений ещё и расчётами занимаюсь. Столько всего переделать успеваю! А вы там, на вахте, точно не перетруждаетесь!

– Шеф, ты вспомни, какой мы летом гараж отгрохали. Теперь ничего не замечает и техника в тепле, – железной логикой давил Ванька.

Витька поддерживал:

– Мы вроде бы свою зарплату честно отработываем. Кстати, не так уж много нам платят.

– Вы сами эту работу выбрали, – напомнил Лёха.

– Да, мы специально пошли на такую работу, чтобы время свободное было: и на лыжах покататься, и на охоту сходить, и для семьи что-нибудь смастерить. Так что, начальник, ты лишнего-то не требуй, – отбивались от Лёхи в два голоса мужики.

Что тут скажешь? По существу, они были правы. «Гайки закрутишь» – мужики уволятся. Других таких не найдёшь: чтобы и рукастые были, и к работе «на воздухе» привычные. А будешь штат раздувать – так зарплаты ещё меньше станут, сотрудники тем более разбегутся. Палка о двух концах. Так что Лёха попал в безвыходное положение и на мужиков давить перестал.

– Братцы, я все понимаю, но по весне мы один шурф точно добавим. Причем, глубокий. Нам надо будет «нулевую изотерму» в снегу поймать, – заранее готовил мужиков к трудовым подвигам Лёха. – Шурф предлагаю копать не здесь, а на триста метров ниже, у конца бугельного подъёмника. Там высота примерно такая же, как на наших опасных участках, в зоне отрыва лавин. К шурфу можно будет и сверху от балка спуститься, и снизу на бугеле подняться. Мне только в копке ваша помощь понадобится. С наблюдениями я и сам справлюсь.

– Это можно, денёк лопатами помахать на свежем воздухе. Это полезно.

– Не только лопатами, – уточнил Лёха, – шурф глубокий, снег будем вынимать вёдрами. А лазить по приставной лестнице.

– А что, расширить шурф нельзя и по краям снежные ступеньки сделать?

– В том-то и дело, что нельзя. Шурф должен быть узким и глубоким. Мы же температуру снега мерить будем, а не чего-то там другое... Не надо, чтобы туда солнце заглядывало. Измерения неточные будут.

– Тогда понятно...

– Копать начнём в начале мая. И до схода лавин будем наблюдать за температурой снега. И обязательно метеобудку туда поставим, с недельным термографом. Смысла нет в снегу ковыряться, когда температуру воздуха на поверхности точно не знаешь.

– Ну, один шурф – не большая проблема, – согласились мужики.

У Лёхи все равно не было никакой уверенности, что грядущей весной он справится с прогнозом лавин. Но сдаваться и retirроваться в Столицу он явно не собирался.

Лёха пытался расспрашивать экспедиционный люд об Асане Саламыче. Но никто ничего толком рассказать не мог – жил тот один, много не говорил, в посиделках не участвовал. Ванька с Витькой общались с ним только по работе. Даже Михпетыч был не в курсе личной жизни Асана Саламыча. Похоже, по каким-то причинам он вёл подчёркнуто замкнутый и уединённый образ жизни. Или просто был необщительным человеком.

– Михал Петрович, не знаете, где теперь Асан Саламыч обитает? – пытал Лёха начальника Экспедиции.

– А что, Лёша, у тебя дела плохи? – интересовался проницательный Михпетыч.

– Ну как Вам сказать, дело идёт... И кадастр лавин составил, и метеоданные обработал. Отчет пятилетний потихоньку начал писать. Планы по шурфованию на весну есть... Но обстановка-то больно не простая. Подстраховаться хотел, посоветоваться со специалистом, если это будет возможно.

– Не знаю, Лёша, не знаю, где сейчас Саламыч. По слухам, куда-то в Гидромет подался. Он, вообще, не очень-то о себе рассказывал. Только о работе и говорил. Коньяк мой любимый не пил. Сколько раз я его за стол приглашал. А он ни в какую. А ты у Вани с Витей спрашивал?

– Спрашивал. Они тоже не в курсе.

– Витька же с ним воевал.

– Так тоже о войне не хочет рассказывать.

– В самом деле, что же это я у Саламыча-то контакты не взял? – удивлялся на себя Михпетыч. – Мог же сообразить, что понадобятся. А если запрос в Гидромет послать? Ты точно без Саламыча не обойдёшься?

– Обойтись-то можно. Но лучше бы пообщаться, – мягко настаивал Лёха.

– Слушай, Лексей, а давай мы тебя в командировку отправим? В Северную Столицу? За приборами? Ты же на весну термографы просил? И метеобудки... Гидрологам тоже много чего надо... А ты там в Управлении всё получишь, упакуешь, в контейнер загрузишь, и морем отправишь... Заодно про Саламыча справки наведёшь.

– Это можно, – соглашался Лёха. Путешествовать он любил. А заодно и домой заскочить бы мог, сестрёнок поведать, родителей, по которым сильно соскучился.

– Ну, так поезжай!

– Времени-то до весны мало, контейнер вряд ли дойдет. Скорее, его в летнюю навигацию отправят.

– А самолётом очень дорого обойдётся.

– Что мы без будок и термографов весной делать будем, я не знаю, – закручинился Лёха, – а еще хорошо бы термодатчики для снега. Электронные. Я же у Вас просил.

– Ну не получилось у меня в краевом управлении заказать. Закрутился. Ты же знаешь.

– Но вы обещали.

– Обещал. Сказали, что нет у них. И отказали.

Лёха не очень верил Михпетычу. Но другого начальника у него не было, и ладить надо было с этим.

– Ну, ты брат, каждый день с новыми запросами. Смерти моей хочешь. Ладно, постараюсь тебе помочь и к весне выпросить кое-что в Крае. Сверх лимитов. Всё равно мне туда скоро с отчётами лететь.

Лёхе оставалось только ждать и надеяться. Без оборудования много не наработаешь.

– Слушай, Лёх, а у Саламыча вроде дочка была, – вспомнил как-то Витька. – Я даже один раз её видел. Училась в Крае, потом в Город вернулась. Может, здесь так и живёт?

– Ты уверен?

– Кто его знает? Поищешь?

– Как, по телефонному справочнику?

– Да хоть бы и по справочнику. Или в интернете.

– А если у нее другая фамилия? Или телефон на другое имя записан?

– Ну, тогда не судьба...

Лёха нырнул в справочник, «погуглил» в сети. На поверхности ничего полезного не обнаружилось. Дальнейшие поиски дали только футболиста Ильмира Нурисова, священника Николая Нурисова, рукоположенного несколько лет назад в N-ском монастыре и киргизскую певицу Нурису Абазову. На двенадцатой странице поиска Яндексa выплыла ссылка на учителя физкультуры Нурисову Э. А., которая год назад получила грамоту от мэра Города. «Хоть что-то», – подумал Лёха и наудачу позвонил в эту школу.

– Да, у нас такая работала. Теперь не работает. Не знаю. А Вы, собственно, кем ей приходиться? – спросили в трубке.

Лёхе пришлось объяснять о служебной необходимости, о лавинах и прогнозах. Конечно, соврать было бы легче. Но врать у Лёхи получалось плохо. В детстве не научился, а теперь осваивать это ремесло было уже поздно.

– Ну, ладно, дам Вам её домашний телефончик, – согласилась на уговоры инспектор отдела кадров, – вот, остался в личном деле. Алё? Вы пишете?

Лёха записал. Набрал. Гудки. Потом, раза с третьего, в трубке послышался мужской голос, властный, нервный и, кажется, слегка нетрезвый:

– Что? Нурисов? Лавины? Это к жене! Вечером звоните, после десяти!

– Простите, а до которого часа не поздно? – попытался уточнить Лёха, но в ответ услышал только короткие гудки. «Так-с, уже теплее», – подумал он.

В пять минут одиннадцатого Лёха поднял трубку городского телефона.

– Простите, а госпожу Нурисову можно услышать? – Лёхе совсем не нравилось такое обращение, но другого слова он придумать сходу не смог.

– Здравствуйте, я слушаю.

– Добрый вечер! Меня зовут Алексей, – сердце у Лёхи заколотилось, как на старте горнолыжных соревнований. – Хотел узнать, случайно, Асан Саламович Нурисов не родственник Вам?

– Да, папа, – прозвучало в ответ, но слышимость была отвратительная. В трубке гудело и потрескивало.

– А где его сейчас можно найти, не подскажете? – почти прокричал в трубку Лёха.

– А зачем он Вам, простите? – голос, несмотря на плохое качество связи, показался Лёхе знакомым.

– По его работе прежней я хотел поговорить. Проконсультироваться. Я тоже лавинами занимаюсь...

В трубке немного помолчали.

– Видите ли, его сейчас нет в Городе.

– А когда он будет?

– Боюсь, что не скоро.

– А как его можно найти?

- Боюсь, что никак.
- Простите, а увидеться хоть с Вами-то можно? – схватился за соломинку утопающий Лёха. – Можете рассказать о нём?.. Пожалуйста. Очень нужно...
- Опять пауза.
- Ну, если очень нужно... Давайте... В воскресенье в полдень Вас устроит?
- Да.
- Знаете кафе «Север» в Городе возле храма? Удобно Вам будет?
- Ой, да, конечно, спасибо большое, приду обязательно. Спасибо! – затараторил обрадованный Лёха. – А можно Ваш телефончик мобильный записать, вдруг что-то изменится? – и тут же он записал желанный номер в свой блокнот. – Ну, тогда до встречи!
- До воскресенья! – подтвердили в трубке.

Глава 17. Воскресенье

Воскресного дня Лёха еле дождался. Выдвинуться в Город он решил заранее. «Заодно, и в церковь зайду! – подумал он. – Свечек понаставлю».

Как назло, с утра у Басмы расстроился желудок. Бедное животное гуляло на улице гораздо дольше обычного. Но не факт, что нагулялось на весь день. Лёха уже представлял, какой натюр-морт на полу комнаты его может ожидать после возвращения из Города.

Особо «цивильной» одежды у Лёхи никогда не водилось. «Ладно, оденусь просто во что-нибудь чистое», – решил он и тут же услышал предательское шипение в батарее центрального отопления.

Сперва фонтанчик был толщиной с иголку. Можно было подставить и кастрюлю. Но с каждой минутой свищ в гнилой трубе становился всё больше. Ржавая вода уже хлестала вовсю. В комнате стало влажно, как в тропиках, по углам даже закружил пар. Басма, наострив уши-локаторы, тихонько попятилась на свой коврик у двери.

Лёха к таким событиям был всегда готов – держал в запасе пару хомутов и гаечные ключи. С течью он справился быстро, только пришлось снова переодеться.

А за окном задуло всерьёз. Ветер был такой силы, что снежинки летели почти горизонтально. «Двадцать пять метров в секунду, девяносто километров в час», – определил на глаз скорость ветра Лёха и решил еще разочек быстренько выгулять Басму.

Подъездная дверь еле поддалась – так её придавил к косяку ветер. А потом, когда открылась, чуть не слетела с петель. Лёхе пришлось применить всю свою молодецкую силу, чтобы вернуть её в исходное положение. Собака прижала уши и сразу понеслась искать место потише для своих важных дел.

«Как пенсионеры сейчас из дома выходят? – подумалось Лёхе. – И как там у Витьки на Горе?.. Небось, все напочвенные термометры улетели.»

Из-за угла показалась молодая женщина. Она изо всех сил впивалась острыми каблучками в снег, одной рукой безуспешно держала полы разлетающегося на ветру пуховика, а другой – тянула санки с двумя детьми. Шубки малышей были подпоясаны ремешками и затянуты у воротников цветными шарфами. Они походили на пушистые комочки – так обычно рисуют маленьких пингвинят.

Ветер взметнул позёмку, женщина упала, санки перевернулись, и комочки покатались по гладкому ледяному тротуару на проезжую часть. Даже не покатались – поехали. Лёха, не успев ни о чём подумать, скользя и падая телом на ветер, уже летел за ближайшим ребенком. Как футбольный вратарь, он прыгнул наперерез пушистому «мячу», намертво зафиксировав его в своих объятиях.

Второй комок продолжал катиться под колеса автомобилей. Водителям вряд ли было что-то видно сквозь замерзшие стёкла. Женщина беспомощно двигала руками, от испуга не в силах даже кричать. Расстояние между комочком и колёсами автобуса быстро сокращалось.

За мгновение, которое оставалось до того, как второй ребенок выкатится на дорогу, Лёха успел заорать не своим голосом:

– Басма, апорт!!!

Невесть откуда взявшаяся собака, почти не касаясь земли, стрелой пролетела над тротуаром и схватила ребенка за шиворот. С заносом, смешно приседая на задние лапы, она изо всех собачьих сил включила когти-тормоза и грохнулась на бок. Воротник выдержал. Ребенок даже не заплакал. Для него, похоже, все это представлялось веселой игрой...

Басма волоком подтащила малыша, Лёха отряхнул и посадил детей в санки, помог подняться женщине, взял её под руку и спросил, куда идти.

Катил сани он не за верёвку, а за спинку. Это было неудобно, зато надёжно – больше дети не перевернутся и никуда не укатятся. Женщина держалась за Лёху. Собака шла рядом, внимательно присматривая за необычной процессией. Идти оказалось недалеко – к соседнему дому.

В подъезде Лёха отогрел слипшиеся на морозе ресницы и впервые взглянул женщине в лицо.

– Света?!

– Лёша!!! – и медсестра с воем бросилась ему на шею.

Женская истерика продолжалась минут пять. Дети терпеливо ждали, когда их мама отплачется.

– У нас тут ба-а-абушка живет. А мне на работу на-а-адо. Я ей детей везла-а-а. А тут ветер.

– А как вы с санками из дома-то вышли? Я дверь еле открыл, – пытался отвлечь девушку Лёха.

– А мы с обра-а-атного входа-а-а, – не унималась она.

– Так ты сейчас в Город? – почему-то перешёл на «ты» Лёха, вытирая ладонями Светины щеки.

– Да-а-а...

– Тогда давай детей к бабушке, а я собаку отведу. Встретимся здесь через три минуты. Поняла? Вместе поедem. Давай быстро! Я очень спешу.

– Ага... – успокаивалась понемногу Светка.

Минут через пятнадцать женщина показалась из подъезда. Лёха был как на иголках. На свою долгожданную встречу в кафе «Север» он уже безнадежно опаздывал.

Автобус не приезжал предательски долго, что для выходного дня, в принципе, было обычным делом. Но когда он подъехал, Лёха чуть было не завыл от досады, как будто цитируя букву «У» на лобовом стекле. За рулём, видимо, сидел ученик, а это значило, что плестись автобус до Города будет, соблюдая все правила дорожного движения и тормозя на всех плановых остановках.

Светлана в дороге о чём-то щебетала, вполне оправившись от утреннего испуга. Лёха её почти не слушал. Он очень не любил опаздывать. Точнее, терпеть не мог, когда его кто-то ждёт.

...В кафе взмыленный Лёха вбежал с десятиминутным опозданием. Он уже не чаял встретиться со своей таинственной незнакомкой.

Плюхнувшись за столик с хорошим углом обзора, Лёха принялся изучать присутствующих и входящих дам. Все они были при кавалерах или в компаниях. Одинокие замечены не были. Через минуту за спиной у Лёхи раздался ну очень знакомый голос:

– Здравствуйте-здравствуйте, мой дорогой Амортизатор! Вы-то здесь какими судьбами? – Да, это была... Элька, видимо, только что появившаяся из дамской комнаты.

– Ой, здравствуйте, Эля, – опешил Лёха. – Вот, сию, жду одного человека.

– Вот и я – тоже, у моря погоды. Один товарищ очень просил о встрече, да не приходит что-то...

– Ну, тогда давайте подождём вместе.

– Давайте.

Элька сегодня была не похожа на ту хозяйку спортзала, которую Лёха привык видеть. Она повесила элегантную дублёнку на ближайшую вешалку, накинула на плечи тёплый платок, который, видимо, ей сегодня заменял и шарф, и шапку, изящным движением оправила длинную шерстяную юбку и со своей «фирменной» полуулыбкой Джоконды присела к Лёхиному столу.

Повисла неловкая пауза. Лёха принялся спешно выдумывать тему для разговора. Эльку, похоже, молчание несколько не напрягало. По её лицу продолжала блуждать блаженная

улыбка, а глаза изнутри светились чуть ярче обычного. Лёха сбегал к барной стойке за кофе и пирожными.

– Спасибо, Лёша. Но пирожное я не буду. Великий пост. Уж простите.

– Я не знал, что пирожное нельзя.

– Не то, чтобы нельзя... Всё можно. Но не всё полезно. Апостол Павел так говорил.

– А я вот в церковь хотел сегодня заглянуть, по Вашему совету. Только не успел.

– Ничего страшного. В другой раз успеете. Бог терпелив.

– А Вы, похоже, из храма?

– На литургии была, причастилась...

Лёха не стал выказывать своё невежество и спрашивать, что такое «литургия» и что такое «причастилась». Но Элька сама занялась Лёхиным «просвещением»:

– Литургия у православных – самая главная служба. Её Сам Христос заповедал нам совершать в память о Себе. Тогда, на Тайной вечери, он дал апостолам хлеб и вино и сказал, что это «есть Тело Мое и Кровь моя Нового завета».

– Что это за дикость такая! – не удержавшись, воскликнул удивлённый Лёха.

– Вот и эллины тоже в это сперва не поверили, – улыбнулась Элька. – Литургия – это чудо из чудес, там всё так непостижимо происходит, что нам с Вами вовек не понять. Святые Дары с одной стороны хлебом и вином остаются, а с другой стороны в благодатные небесные Дары для нас обращаются... Сам Христос сказал: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную».

– Да уж, слова-то какие необычные.

– Это Евангелие, «благая весть» в переводе с греческого. Греки были нашими главными наставниками в православной вере.

– Почти как Вы теперь для меня, – попробовал пошутить Лёха.

– Ну, может, и так. Только из меня учитель так себе. Вам бы со священником пообщаться.

– А что он мне такого расскажет, что Вы не знаете?

– Во-первых, он человек учёный. А, во-вторых, на нём печать Святого Духа лежит. Когда в священники рукополагают, на человека нисходит особая благодать.

– Но батюшки тоже бывают разные: и пьяницы, и на «Мерседесах» прохожих сбивают...

– Что же Вы, Лёша, всё под ноги-то смотрите? Смотрите лучше на небо.

– Даже если грязь кругом?

– Бог сотворил нас свободными в выборе зла или добра.

– И самоустранился?

– Зачем Вы так, Лёша? – Элька, похоже, начинала терять терпение. – Господь наш – не зритель. Он – Отец; и строгий, и любящий. Он ждёт нашего шага навстречу.

– Эля, не обижайтесь. Я не атеист. Просто хочу до сути вещей докопаться. Бог один, а религий почему-то много.

– Я Вам, Лёша, за себя скажу. Во Христа нужно верить хотя бы потому, что за Него добровольно пострадали миллионы людей. Ни одну религию так ни гнали и так ни притесняли: как в Римской империи, в Османской, в Советской... У людей был выбор: либо отречься от Христа и спокойно жить-поживать, либо остаться со Христом и пойти на мучения и верную смерть. Ну, не могло же столько людей ошибаться? Лучших! Умнейших! Добрейших! Достоянейших! За двадцать-то веков! И Церковь наша выстояла! И не просто выстояла, Она укрепилась и расширилась! Ни одна земная организация не выдержала бы таких гонений. Только небесная! Только Христом-Богом созданная!

– Ой, Эля, загрузили Вы меня, – запросил пощады Лёха. – Мне надо будет обдумать всё это на досуге... Что-то моя тётя не идет...

– И мой дядя...

– Дайте-ка, я ей позвоню. На мобильник. Хорошо хоть, записал, – и Лёха полез за блокнотом и телефоном во внутренний карман.

Элька сидела и думала о чём-то своём.

– Не отвечает пока. Может, в дороге? А, может, вообще не придёт? Вот ведь, женщины... – расстроился Лёха и в сердцах хлопнул блокнотом об стол.

– Мужчины тоже непунктуальные бывают, – улыбнулась Элька. – Ой, хорошо, что напомнили. Я в Храме телефон на беззвучный режим поставила, – и Элька тоже полезла в карман. – Ой, пропущенный вызов. Номер незнакомый. Надо перезвонить.

Элька скользнула пальцем по экрану смартфона и приложила его к уху. Лёхин телефон зазвонил.

– Алё! – машинально ответил Лёха, – и тут же его голос эхом отозвался в Элькиной трубке.

– Это мой телефон, – проговорила Элька, и глаза у Лёхи стали размером с десертные блюда.

Глава 18. Женские штучки

Молодые люди помолчали с минутку.

– Да, бывает же такое! – первым «проснулся» Лёха. – Ничего ж себе совпадение!

Элька тоже пришла в себя, и её глаза приобрели привычные миндалевидные очертания. Она негромко, но заливисто засмеялась. Лёха тупо заулыбался в ответ. В этот момент он откровенно любовался Элькой.

– Лёшенька, ну Вы даёте! – Элька впервые назвала его таким именем. – Конспиратор Вы этакий. Мы же с Вами кучу времени знакомы, а Вы не сказали, что лавинами занимаетесь. А где? В какой организации?

– В Пригороде, в гидрометеорологической Экспедиции.

– Так Вы на месте моего папы теперь работаете? Как удивительно...

– Ну да, вот, скоро год, как приехал. А с лавинами – пока тёмный лес. Вот я Вашего папу и стал разыскивать. Специалист, говорят, очень толковый. И при нём ни одного несчастного случая не было. И что он секрет какой-то знал.

– Ну... да... Случаев, пожалуй, не припомню, вроде не было. А насчёт секрета – даже и не знаю, что сказать.

– Так, где ж он сейчас? Не томите! – торопил события Лёха.

– Далеко, – просто ответила Элька.

Лёха уже не мог сдержать нетерпения:

– Эля, милая, скажите, где он? Как его найти?

– Никак.

– Как никак?

– Так никак. Уехал он. И не могу сказать, куда.

Лёха потер виски. Все его мечты о встрече с Асаном Саламовичем Нурисовым, уже такие реальные и близкие, рушились в один миг.

– Не обижайтесь, пожалуйста, Лёшенька, – попросила Элька. – Папа не велел говорить никому, куда уехал. Я же не могу нарушить его волю. И свое обещание.

– Ну, он хотя бы жив?

– Жив. Да. Наверное...

Лёха был вне себя от удивления и огорчения. Он стал сбивчиво рассказывать Эльке про лавины, про свои научные «достижения» прошлой весны, про рудники и дороги, над которыми «нависли» десятки больших и малых лавин, про балок на вершине Горы, про не всегда трезвых и радивых сотрудников, про недостаток приборов и метеоданных, про поиски заветной формулы, с помощью которой он собирался предсказывать лавины... Элька слушала внимательно, время от времени кивала и, что удивительно, задавала весьма дельные вопросы.

– Эля, а откуда Вы о лавинах так много знаете? – поинтересовался Лёха.

– От папы. Он мне кое-что рассказывал.

– А о прогнозе лавин он что-то говорил?

– Да ничего особенного. Про интуицию говорил. Даже не знаю, что Вам сказать...

– А о формулах каких-нибудь ничего не слышали?

– Папа у меня в математике был не очень-то силён. Нет, я не в том смысле... Знал-то он, конечно, много... Но компьютеров в его время не было. Так что он всё больше на калькуляторе считал. Очень быстро и очень подолгу. Бывало, ночи напролёт над калькулятором засиживался. У меня даже в глазах рябило, когда я на его пальцы смотрела. Посчитает, запишет, и ещё раз проверит. Все ряды данных не меньше двух раз просчитывал. Себя проверял. Если

не сойдётся, то третий раз пересчитывал. А ряды-то у него были длиннющие. Я, когда в школе училась, ему часто помогала данные из тетрадок надиктовывать.

– А где сейчас эти тетрадки?

– Да кто ж их знает? Я пока в Крае училась, от папиных лавин совсем отошла. Потом замуж вышла. А потом папа уехал. Да и не думала я, что это кому-нибудь пригодится.

– Эля, а может, Вы всё-таки поможете мне до Асана Саламовича добраться? По дружбе? А?

– Лёша, ну не могу я. Не моя это тайна, поймите. К тому же я дочка послушная, – виновато улыбнулась Элька.

Помолчали.

– Эля, ну а если я с прогнозом лавин этой весной напортачу? И люди погибнут? Вы как себя будете чувствовать?

– Лёша! – Элька вдруг стала непривычно серьёзной. – Это нечестно. И даже, если хотите, не по-мужски... Вас же никто насильно на эту работу не тянул. Сами ведь пришли. То есть прилетели.

На этих словах Лёха густо покраснел. Но Элька уже поняла, что переборщила:

– Ну ладно, простите. С языка сорвалось. Я ведь понимаю: первый год, он сложный самый. И работа у Вас такая ответственная.

Элька не смогла сдержать добрую улыбку, глядя на вконец растерявшегося Лёху:

– Ладно, постараюсь помочь немножко. Я теперь вроде как Ваша должница.

Настала очередь расплыться в улыбке Лёхе:

– Знал бы я, что Вы дочь Асана Саламыча, я бы перину в спортзал притащил.

И Элька с Лёхой весело рассмеялись.

Со стороны могло показаться, что в кафе сидит влюблённая парочка и болтает о пустяках. Вряд ли кто-то мог подумать, что речь идет о серьёзных вещах. И, по большому счету, о судьбах и жизнях многих сотен людей.

– Ладно, Алексей, открою Вам один страшно таинственный секрет... – Элька выдержала паузу, театрально озираясь по сторонам, сделала круглые глаза, наклонилась через столик к Лёхе и заговорщицким шепотом продолжила:

– Есть у Асана Саламовича Нурисова старинный друг-приятель. Большой человек. Живет он и работает в Северной Столице. Его зовут Валентин Артурович Гроссберг. Если Вам, Алексей, удастся до него добраться, познакомиться и втереться в доверие, то... быть может, он Вам и откроет тайну, где сейчас можно найти моего папу.

«Расколовшись» во время ей же придуманного спектакля, Элька прыснула от смеха, и уже своим обычным голосом закончила:

– Ну, договор был такой, понимаете, когда папа уезжал. Если он кому-то очень-очень-очень понадобится, то найти его можно будет через Гроссберга. Он сейчас у него где-то там работает. Я Вам координаты Валентина Артуровича напишу. А там как Бог даст...

– А что, у Вас с папой прямой связи нет? Только через его друга? – удивился Лёха.

– И нет, и есть, – произнесла загадочно Элька. – Простите, Лёша. Об этом я тоже предпочла бы не говорить. Ну, это очень личное, понимаете?

– Понимаю, – пробормотал ничего не понимающий Лёха.

«...А, может, ну их всех на фиг! Сам с лавинами справлюсь, – злился на себя и на Эльку Лёха, возвращаясь домой на автобусе. – Устроили, понимаешь, шпионский детектив!»

Ветер почти стих, и у снегоуборочных машин появился редкий шанс навести порядок на дорогах.

«Вот куплю торт и вино, куплю мандаринчиков и пойду вечером к Светке, она же приглашала, – подумал Лёха. – От лавин тоже отдохнуть нужно!»

Сказано – сделано. Выгуляв свою терпеливую Басму, уже через полчаса обрызганный дезодорантом Лёха переминался с ноги на ногу у Светиноного порога с тортиком в одной руке и пакетом в другом.

– Ой, Лёша, ничего себе, проходи! Толя! Оля! Смотрите, дядя Лёша пришел!

Пока мамка в застиранном халате и домашних шлёпанцах хлопотала в тесной прихожей, малыши с любопытством выглядывали на дядю из-за шкафа. Свое приключение в то ветреное утро они по малости лет вряд ли запомнили. Да и шарфы у них были тогда натянуты выше носов.

Комната в 18 «квадратов», как у Лёхи, «гостинка». Здесь обитали трое: один большой человек и два человечка поменьше. Из мебели только шкаф, стол, две детские кровати и диван. Открытые полки с игрушками и книжками. Санузел да кухонька в прихожей. Но чистенько и уютно до той степени, какую может себе позволить одинокая женщина с двумя детьми и невысокой зарплатой.

Светлана усадила Лёху на диван, велев детишкам показать дяде свои любимые игрушки. Сама вскипятила чайник, перемыла фрукты, живо сообразила какой-то салатик и порезала торт. К тому времени дети уже лазали по гостю как по родному и болтали с ним на своем детском языке. Лёхе это было очень приятно. Он сразу вспомнил своих сестричек-близняшек, живших сейчас очень далеко и подумал, что было бы неплохо послать им денег с получки.

– К столу! – пригласила хозяйственная Светлана. Она уже переделалась в симпатичное платье и немного подкрасилась. – Лёш, открой вино, пожалуйста. Только вот штопора нет.

– А отвертка, шуруп и пассатижи найдутся?

– Где-то были, – и Света, став стройными ножками на табуретку, полезла на шкаф.

Разговор сперва закрутился вокруг двух приключений: Лёхиного разбитого лба и малышей «перекати-поле». С юмором у Светки было всё в порядке, тем более после бокала красного вина.

– Свет, ты это, зови, если тебе надо помочь по хозяйству, – Лёха уже почувствовал на себе какую-то ответственность за судьбу этого маленького семейства. Лёхе в этот вечер было приятно немного расслабиться. Он очень соскучился по семейной, домашней обстановке.

– Хорошо сидим!?! – в комнату ввалился без стука огромный мужик в дублёнке, унтах и лохматой шапке.

Не глядя на Лёху, он обратился к Светлане:

– Твой хахаль?

Подойдя к столу:

– Так, винишко попиваем. Тортик едим. – Зыркнул на Лёху. – А ну, выходи!

Света вся сжалась в дальнем углу дивана:

– Эдик, не надо! Ты от нас ушел год назад! У меня есть право на личную жизнь! Мы даже не были с тобой женаты!!!

Лёха вышел из-за стола. Эдуард был на полголовы выше и килограммов на двадцать тяжелее.

– А ну, пойдём, выйдем, фраер, – процедил верзила.

В коридоре «гостинки» Эдик ухватил Лёху за воротник и долбанул затылком об стену. Резким ударом обеих рук снизу и нырком Лёха освободился от захвата. Драться он был не мастер. В его спокойном городке «прокачивать» этот навык не было необходимости.

Эдуард выпил больше Лёхи и поэтому дружил со своим телом не крепко. Лёхе удалось несколько раз увернуться от его кулаков. Сам он при этом пару раз достал лицо соперника. Бить в другие части тела было бесполезно: голени защищали унты, тело – дубленка, а в коленку он бы не попал. Эдик ревел от бессилия, наступая с кулаками на Лёху. Сорвал с себя шапку и старался избавиться от дублёнки.

Лёха действовал инстинктивно, мысли в голове мелькали как молнии. «Силы неравны. Может, сбежать? Но куртка с паспортом в комнате. Драпать на глазах у всех нельзя. Надо драться.»

Скинув дубленку, Эдуард пошел в атаку. Ему удалось захватить Лёху за шею, притянуть к себе и сбить с ног. Но тот настолько крепко вцепился в соперника, что по коридору покатались оба. Освободиться от захвата никак не удавалось. «Задушит, гад, – подумалось Лёхе.» Он освободил руку и сильно надавил на глазницы своего обидчика. Тот заорал и ослабил хватку. Лёха, вскочив, со всей дури саданул носком ботинка Эдику по коленке, чтобы тот не смог быстро подняться на ноги. О принципе «не бить лежачего» Лёха даже не вспомнил.

Весь бой продолжался меньше минуты. На крики и шум в коридор выглянули соседи. Эдик валялся и стонал, Лёха в растерянности стоял рядом. А Светка уже неслась к ним со всех ног. Подлетев к Лёхе, она отвесила ему смачную оплеуху и тут же опустилась на колени перед поверженным «голиафом».

– Эдичка, что этот урод с тобой сделал? Пойдём, пойдём, милый, я тебя умою!

Лёха молча развернулся, забрал из комнаты свою куртку, шапку, погладил по головкам перепуганных детишек и двинул домой отстирывать одежду от крови.

Глава 19. Горы синие вдали

Лёха перестал ходить в спортзал и в тундру, чтобышний раз не пересекаться с Элькой и Светкой. Он чувствовал, что отношения с женским полом в теперешнем варианте приносят ему только боль, злость и расстройство. Он снова нырнул в науку.

При Комбинате сыскалась неплохая библиотека. По крайней мере, несколько учебников по матстатистике и теории вероятностей Лёхе очень дажегодились. Он вспомнил всё, чему его учили на втором курсе Универа, и узнал много нового. Касающаяся лавин метеорология вполне могла быть обсчитана по традиционным схемам. Например, с помощью дискриминатного анализа и t-критерия, придуманного каким-то математиком по фамилии Стьюдент. Через неделю Лёха уже хорошо понимал, чего хочет. Цифры, добытые за годы исследований трудом многих людей, может быть, даже ценой от замороженных пальцев, ушей и носов, понемногу выстраивались перед Лёхой в колонны и шеренги электронных таблиц. Осталось только заставить их маршировать в ногу и в нужном направлении...

«Как же без баб здорово, – думал Лёха. – Работать никто не мешает...» И тут же Басма подходила к нему и тёрлась мокрым и шершавым носом.

– Понимаешь, Василий, – рассказывал Лёха Штырю, сидя на кухне, – лавины, они хоть и непредсказуемые, но статистике должны подчиниться. Вот представь, у этого «выключателя» есть только два положения: «вкл» и «выкл». Третьего не дано. И у лавин также: или сошла, или не сошла. А к срабатыванию этого «выключателя» приводят десятки причин: ну погода там, рельеф, состояние снежного покрова. За прошлые годы накопилась уйма данных. Огромная куча. И известно время, когда лавины сходили! То есть понятно, при какой погоде в каком положении находился «выключатель». Осталось только понять, почему он «щёлкнул».

– И почему? – эхом вторил почти засыпающий во время лекции Штырь.

Лёха, найдя-таки слушателя, с горячностью революционера продолжал:

– А вот это самый интересный вопрос. Но он тоже решается с помощью матстатистики. Берёшь выборки разных данных и оцениваешь для каждой из них t-критерий Стьюдента. То есть узнаёшь, какой параметр более значимый для схода лавин, а какой менее значимый...

– Да кончай, ты, Лёха, пургу свою гнать, – взмолился Штырь. – Ты вон про свою науку лучше Басме рассказывай. Она больше меня поймёт.

Услышав свою кличку, собака тут же наострила уши, поднялась и села, склонив голову набок.

– Ты пойми, Штырь! Тут-то и собака зарыта, – мужики покосились на Басму, – именно в этом! В этих выборках данных. Нужно просто взять из них самые значимые, самые важные, и засунуть их в уравнение дискриминатного анализа. И оно, это уравнение, в любой момент времени покажет, в каком положении «выключатель» находится: «вкл» или «выкл». То есть выписываешь это уравнение по данным прошлых лет, а пользуешься им для будущего прогноза! Они так и называются: «обучающие выборки». Уравнение сначала «обучаешь» правильно работать, а потом им уже пользуешься... И каждый сезон можно это уравнение уточнять!

– Лёха, достал ты уже всех своими выборками! Свихнёшься с ними скоро! Тебе отдохнуть надо. Того и гляди «крыша» у тебя уедет!

– Кого «всех-то» достал? – обиделся Лёха. – Тебе вот только рассказываю и Басме. Остальным как-то пофиг. Даже у нас на работе.

– Тем более, отдыхать надо. Закиснешь совсем! А! Кстати! К нам буржуины едут кино снимать. Про Заповедник!

– Ну, а я-то при чём?

– Да очень даже при том! – И Васька рассказал, что с иностранцами затеяли новый проект – то ли с каналом «Discovery», то ли с каким-то подразделением Голливуда. Типа хотят снять фильм о непуганых пока ещё снежных баранах и вообще о наших Северных горах, неизученных, незаселенных и затерянных на «краю географии». Часть кадров, по слухам, они думают снять с вертолета, а часть – с земли. «Вертушку»-то в горах не везде посадишь: то рельеф сложный, то погода. Да и стоит вертолётный час недешево. Вот и понадобилась им группа наземной поддержки – пригласили егерей с Заповедника, пару спасателей с МЧС, ну и Лёху могут, вроде, взять как внештатного спасателя и специалиста по снегу и лавинам. – Я, короче, завтра с их шефом переговорю, – подытожил Штырь. – А жрчка за их счёт!

– Ну, давай, – вяло согласился Лёха, из несчастных ушей которого уже выглядывали предикторы того счастливого уравнения.

От безысходности тяжелых боёв на личном и научном фронте Лёхе и, правда, нужно было передохнуть. Чтобы потом свежим взглядом оглядеть свою жизнь и науку. Лёха надеялся, что это поможет. Последний месяц он безвылазно просидел за книжками и ноутбуком. А в своё дежурство на Горе он вообще, не разгибая спины, сутками корпел над электронными таблицами.

«А что? Апрель – месяц в плане лавин спокойный, – размышлял Лёха, – Ванька с Витькой с наблюдениями справятся и без меня. Не маленькие.»

...Михпетыч отпустил Лёху без лишних разговоров. Начальнику отсутствие инженера-лавищика даже нравилось – никто не будет морочить голову с запчастями, бензином, термометрами, плотномерами, пенетрометрами, щупами и прочими метеобудками. Начальник очень не любил, когда его напрягали по работе. Тем более, что этот отпуск Лёха брал «за свой счет». Тоже ведь, экономия бюджета!

– Давай, давай, проветрись, – напутствовал Михпетыч, – но чтобы к началу мая – как штык был на работе! И чтобы живой и здоровый! Я надеюсь! И чтоб с лавинами не хуже было, чем в прошлом году!

– Не извольте беспокоиться, – весело, предвкушая новые приключения, рапортовал Лёха. – Я ещё снегомерку по маршруту сделаю, сфотографирую склоны для лавинного кадастра; отчёт напишу – он у вас в шкаф по толщине не поместится!

– Давай-давай, писатель. Лишь бы Комбинату твои отчёты нравились.

...В Заповеднике провели совещание, распределили роли, утвердили сроки. Наметили, когда, как и в каких точках съёмочная группа будет пересекаться с наземной командой. Где им ночевать и чего кушать. Егеря рассказали киношникам про местные горы, озера и водопады, расчертили на картах маршруты, прикинули, куда можно проехать на «Буранах», а где нужно будет пройти пешком. Посчитали «койко-места» на заповедных кордонах, прикинули количество необходимого бензина и продовольствия.

Хитрые русские мужики немного попугали иностранцев диким зверьём: типа, в это время года могут проснуться бурые мишки или проголодаться волки; да и всякие рыси, росوماхи и песцы тоже бывают опасны. Например, если болеют чумкой, тоже бросаются на людей... Егеря, заранее сговорившись со спасателями и Лёхой, даже притащили на совещание драные якобы песцами штаны, фотографии застрявших в снегах и утопленных в наледях снегоходов, в красках разрисовали существующие и придуманные опасности зимних Северных гор... В конце рассказа они клятвенно пообещали смотреть, чтобы никто из иностранных граждан ниоткуда не свалился, нигде не заблудился, не утонул... и чтобы никто никого не съел. Ну, а Лёха «напустил пурги» про снега и лавины. Доверчивые киношники сразу подписали с руководством Заповедника новую смету расходов, по которой, с учетом «тяжелой и опасной» работы, группе наземной поддержки полагалось увеличенное финансирование и премия при благополучном завершении работ. А по количеству бензина и запчастей для «Буранов» егеря «надули» иностранцев примерно вдвое...

Лёхе было немножко совестно обманывать людей. Но подвести друзей он тоже не мог.

Лёха твёрдо знал, что в апреле в горах в плане лавин практически безопасно. Ну, разве что, если специально, катаясь на лыжах, не обрушить на себя снежный карниз или не забраться туда, куда не каждый альпинист и полезет. Вряд ли иностранных телеоператоров заинтересуют такие склоны.

В «наземную» команду к двум егерям определили Лёху, Васю Штыря и Сеню Седова как бывалого альпиниста и инструктора. Местная телекомпания тоже не осталась в стороне – отправила в командировку стажёра Макса, худого как Паганель, шептунного, самолюбивого, пронырливого и жадного до съёмки, как все молодые телеоператоры. Камеру ему, правда, дали простецкую – вдруг «убьёт» её и не расплатится?

Короче, вышло шесть седоков на три стареньких «Бурана». Три бочки бензина, запчасти, снаряжение... Загрузили, упаковали, привязали, укрепили всё необходимое на санях... Получилось многовато – килограммов по четыреста на каждую машину...

Экспедиционный снегоход Лёха выпрашивать не стал – лавинщикам он был гораздо нужнее.

Чтобы облегчить участь снегоходов, решили взять две пары горных лыж и сноуборд Макса. По идее, все, кроме егерей, могли по очереди ехать на буксире. Так снегоходам было бы легче: и сани меньше проваливаются, и лыжник на подъёмах не тормозит – когда помогает, когда идёт коньком, а если нужно – просто отцепляется.

Егеря – Егор Пантелеич и Серафим Палыч – оказались мужиками что надо. Они, каждый на своем участке, удаленном от жилья на добрые сотни километров, выстроили кордоны. А это: добротная изба для круглогодичного проживания, всякие там гаражи, сараюшки, бани и туалеты... Как они, тогда еще молодые и неженатые, в одиночку валили лес, возили бревна на лодках и снегоходах, и заводили венцы, как крыли крыши, как утепляли дома и клали печи, история умалчивает. Но факт остаётся фактом – кордоны на Северных озерах появились. Теперь там можно было жить и принимать гостей в любое время года, охраняя и изучая разных заповедных зверей и растения. Одно плохо – расстояния. Случись чего, вертолета не дозовёшься. Надеяться в Северных горах можно было только на себя... и немножко на рацию. Но она, как рассказывали егеря, до города иногда не «добивала», поскольку очень зависела от погоды и разных там северных сияний, затрудняющих прохождение радиоволн.

– А спутниковый телефон? – спрашивали иностранцы.

– Ага, дождётся. Как ноябрьской зарплаты в апреле, – смеялись в ответ суровые северные мужики.

Глава 20. За тридевять озёр

Ранним апрельским утром киноэкспедиция стартовала с базы Заповедника. На городских дорогах, ободранных ножами грейдеров, саднили асфальт и щебёнка. Под весенним, почти не заходящим за горизонт солнцем снег во дворах, некогда белый, покрылся тёмно-серой ноздреватой коркой и в неравной борьбе с весной медленно истекал водой в грязные лужи.

Потные мужики, работая плечами и ломами, с превеликим трудом струнули сани с бетонного пола гаража. Выбираясь из города, взнуданные снегоходы, ревели всеми лошадиными силами, а сани подрезами линовали дорогу, высекая искры из-под своих «копыт»...

Лёха уже познал горькую истину – на снегоходе сложнее всего ездить там, где живёт человек. В тундре, конечно, тоже встречается всякое: и заструги, и взгорья, и глубокие долины ручьев, и ямы-ловушки... Но препятствий, которые может нарыть за час один бульдозер, ветрам не надуть за целый сезон...

– Эх, дубинушка, ухнем! – командовал Пантелеич мужикам, форсирующим автотрассу.

– Й-э-эх, ядреная, сама пойдёт! – рычал благим матом в ответ Вася Штырь. Сеня с Серафимом работали молча. Облепив, как муравьи, сани, мужики изо всех сил помогали снегоходам перетягивать их через асфальтовое полотно.

Собралась пробка. Автомобилисты сперва просто смотрели, как караван корячится на асфальте. Потом, когда самые нетерпеливые (те, что стояли далеко и не могли видеть, что происходит) сердито загудели клаксонами, водилы из ближних машин тоже впряглись в сани. Дело пошло на лад.

– Э! Макс! Харэ шланговать! Бросай камеру, давай, помогай, – ругался на телеоператора Пантелеич.

– А Вы вот отсюда толкайте, классный кадр получится! – пытался перекричать моторы Макс и приседал с камерой почти к асфальту.

– Я тебе щас дам кадр!

Хрясь! И Сенин «Буран» встал.

– Твою ж дивизию! Щеку порвали, – выругался Пантелеич, указывая на задний вал. – У кого запасная есть?

...Отъезд немного затянулся. Егеря, беззлобно ругаясь, обсуждали предстоящий маршрут. Сеня в мастерской у геологов варил щеку тонким электродом. Штырь с Максом травили анекдоты. Лёха спал на санях (ночь перед отъездом, как обычно, он провел за компьютером). Привязанная Басма, поскулив для порядка, тоже улеглась рядом. Местные собаки подойти не смели.

...Тронулись только к обеду. По реке мчаться было одно удовольствие – дорога ровная, след накатан. Басма даже не проваливалась.

Ну, всё! На юг! Туда, где над верхушками редеющих лиственниц невысокой каймой надламывали горизонт далекие синие хребты – отроги Северных гор.

А дальше – свобода. Свобода от города, от дивана, телевизора и горячей воды, свобода от дорог и дорожных знаков. Свобода в выборе пути по поверхности бескрайнего снежного океана. Страна без границ и без правил! Свобода почти от всего, кроме, пожалуй, свободы от самого себя.

Лёхе, любящему иной раз поэтически взглянуть на мир, зимняя тундра казалась безбрежным белым океаном с застывшими застругами-волнами, с метелями, подобными штормам или с безветрием, похожим на морские штили. С диким, первобытным простором, рвущим душу и обжигающим лицо. И нет разницы чем: ледяной или морской пеной, горячей или снежной крупой. И океанские, и северные просторы одинаково поражали Лёху, одинаково безжалостно

манили за горизонт. На поиски чего-то потерянного, но очень как будто нужного, дорогого и необходимого.

Зимой, думалось Лёхе, снега и льды, как добрые друзья человека, дарят ему настоящую свободу передвижения, делая горы положе, склоны ровнее, заметая овраги и долины, укрывая кустарники, наводя ледяные переправы через озёра, реки и даже через Ледовитые моря. Там, где летом возможно было проползти разве что на судне с воздушной подушкой, зимой Лёха мог мчаться на снегоходе не разбирая путей и дорог.

Философские размышления прервал Серафим. Он поднял руку вверх – значит, стой.

– Чего, опять поломались? – испугался Макс.

– Типун тебе! – рассердился Пантелеич. – Фима, доставай, давай!

Серафим (Пантелеич по-дружески величал его Фимой) полез в бардачок под сиденье снегохода. Через мгновение появилось сало, хлеб, колбаса, кружки и литр спирта.

– Давай по граммулечке!

На санях с самым плоским верхом накрыли «поляну». Пантелеич плеснул в кружку немного спирта, четырежды обмакнул в него безымянный палец левой руки, побрызгал во все стороны горизонта, пошептал чего-то по ходу движения и плеснул перед снегоходом.

– Положено так, – пояснил он. – А то дороги не будет!

– Ты еще ленточку на листовницу привяжи, язычник хренов, – подначил приятеля бородатый Фима-Серафим. – Или вон к своему «Бурану» на выхлопную трубу! Она точно тогда не отвалится!

– Чё докопался-то? Свою выхлопную трубу береги! Так все местные делают, и ничего, веками вон в тундре живут. И духи их не обижают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.